

ТОМ 6

СБОРНИК КИТАЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

Сюэ Ган

晋朝南北朝故事

**ИСТОРИИ ПЕРИОДА
ДИНАСТИИ ЦЗИНЬ, а также
ЮЖНЫХ И СЕВЕРНЫХ
ДИНАСТИЙ**

Ган Сюэ

Истории периода династии
Цзинь, а также Южных и
Северных династий. Том 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68859000
SelfPub; 2023

Аннотация

Как известно, Китай имеет самую древнюю и полную непрерывно записанную в источниках историю в мире. Однако разобраться в этом море иероглифов – дело не такое уж простое. Данное издание – попытка собрать, систематизировать и изложить в удобной для восприятия форме рассказы, охватывающие события от древних времен до наших дней каждой значимой эпохи. И кажется, что авторам удалось упомянуть всех заметных персонажей и все важнейшие события в истории Поднебесной. Конечно, одна отдельная история сама по себе не может отразить целиком каждую эпоху. Но составители надеются, что у пытливых читателей по прочтении этих рассказов сложится хотя бы общее впечатление о хронологии и фактах богатейшей истории Китая. Адресовано школьникам, подросткам, их родителям, учителям и наставникам.

Содержание

Соперничество за награды	21
Как жаль этот трон	32
Богачи соревнуются в богатстве	43
Сто дней кровавых расправ	54
Чжоу Чу спешит на помощь	68
Кара, ниспосланная удельным князьям	81
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Ган Сюэ

Истории периода династии Цзинь, а также Южных и Северных династий. Том 6

Издание 1962 года

«Слово редактора»

(выдержки)

У Китая история письменных источников длиннее, чем у любой другой страны, и в ней больше содержательных и интересных исторических рассказов, чем в любой другой стране. Мы планируем издать «Сборник исторических рассказов Китая», который будет содержать рассказы от древних времен до наших дней: по одному для каждой эпохи, в общей сложности десять изданий. В этом сборнике рассказов, вероятно, упомянуты все важные события и деятели в китайской истории. Однако есть некоторые события и персонажи, хоть не слишком важные в истории, но очень интересные, которые могут быть использованы как модель для современных людей. О них часто рассказывают, часто поется на сцене, они также часто упоминаются в статьях. Этот сборник также должен содержать как можно больше таких историй. Конеч-

но, одна история сама по себе не сможет отразить общий облик каждой эпохи. Я только надеюсь, что юные друзья смогут прочесть эти истории и составить общее впечатление о различных эпохах в истории Китая. Тогда при изучении истории вам будет намного легче и удобнее.

Автор приложил немало усилий, чтобы подобрать эти истории. При написании этих рассказов особое внимание уделялось использованию китайского языка на основе пекинского диалекта, чтобы их было легко читать и слушать, как если бы кто-то рассказывал историю. В то время, когда в рассказе упоминались топонимы, большинство соответствующих им современных топонимов аннотировалось в скобках после топонима. Большинство сложных слов, упомянутых в рассказе, отмечено произношением, некоторые не являются трудными словами, но произношение в древности было другим, поэтому произношение также было отмечено.

Редакция

Январь 1962 года

Издание 1978 года

«Послесловие»

(выдержки)

Китай имеет долгую, хорошо написанную историю, и у него есть много интересных исторических рассказов. В 1961

году мы планировали издать набор «Сборников исторических рассказов Китая» для наших юных друзей: с древних времен до наших дней, по одному для каждой эпохи, в общей сложности десять изданий. Мы попросили господина Линь Ханьда написать этот сборник рассказов. Он согласился и последовательно написал «Истории Весны и Осени», «Истории Сражающихся царств», «Истории династии Западная Хань» и «Истории династии Восточная Хань». Первые три были опубликованы в то время. Только после начала «культурной революции» работа остановилась.

Теперь мы решили переиздать «Истории Весны и Осени», «Истории Сражающихся царств», «Истории династии Западная Хань» и опубликовать «Истории династии Восточная Хань». Потому что, с одной стороны, эти исторические рассказы в целом приветствовались молодыми друзьями, указывая на то, что наш первоначальный план соответствует требованиям каждого. С другой стороны, возвращение многих исторических рассказов в их первоначальный вид может помочь молодым друзьям разглядеть и разоблачить зловещие намерения «Банды четырех» исказить и фальсифицировать историю. Господин Линь Ханьда скончался, поэтому этот набор книг можно издать только в четырех экземплярах, и они в основном будут опубликованы в том виде, в каком он написал их перед смертью.

Июль 1978 года

Издание 1981 года

«Истории Троецарствия»

Послесловие

После публикации «Истории Весны и Осени», «Истории Сражающихся царств», «Истории династии Западная Хань» и «Истории династии Восточная Хань», написанных господином Линь Ханьда, они были одобрены большинством читателей. Многие люди писали в издательство в надежде, что этот «Сборник исторических рассказов Китая» будет продолжать издаваться. С этой целью издательство попросило нас систематизировать и сократить эту «Историю Троецарствия» на основе рукописи (почти 500 000 слов) «Истории Троецарствия», написанной господином Линь Ханьда при его жизни.

Чтобы сюжетные линии этой книги соответствовали историческим фактам, мы внесли изменения и дополнения в некоторые места в процессе сокращения. Тем не менее, основное содержание и основной стиль книги по-прежнему основаны на оригинальной рукописи господина Линя. Поэтому господин Линь по-прежнему является главным автором этой книги. В процессе написания этой книги мы получили восторженную поддержку товарища Се Лилинь, жены господина Линя. Товарищ Цзя Янь, который был секретарем гос-

подина Линя, переработал текст этой книги. Мы здесь для того, чтобы выразить нашу благодарность.

Бянь Цзиши

Ноябрь 1980 года

Отрывок о неразрывной связи с тем, чтобы продолжать писать и редактировать «Сборник исторических рассказов Китая»

Сюэ Ган

Ранней весной 1978 года я приехал на работу в детское издательство Китая. На этот раз это был перевод по работе, когда сам являешься без приглашения, да к тому же «не в ту дверь». В то время я хотел пойти в журнал «молодежное издательство Китая», но не знал, что молодежное и детское издательства были одной компанией. Я не знал внутренней истории до дня отчетности, когда отдел кадров сказал мне договориться о том, чтобы пойти в детское издательство. До этого я мало что знал о детских книгах и особо не интересовался ими. Я помню, что в первый день, когда я пошел работать в детское издательство, со мной встретился руководитель, и я прямо высказал свои мысли, надеясь получить возможность перевестись в молодежное издательство. Я не ожидал, что на этот раз, войдя в двери детского издательства, я не сдвинулся с места и проработаю тут более 20 лет. Наобо-

рот, именно в процессе у меня появился интерес к детским книгам. Оглядываясь назад, я понимаю, что первое, что побудило меня посвятить себя этой карьере, – это «Сборник исторических рассказов Китая».

Вскоре после моего прихода в издательство директор редакции поручил мне отредактировать и переиздать «Сборник исторических рассказов Китая». В то время было принято решение сделать две вещи: во-первых, отредактировать и переиздать «Истории Весны и Осени», «Истории Сражающихся царств» и «Истории династии Западная Хань»; во-вторых, отредактировать и обработать неопубликованную, но уже написанную «Истории династии Восточная Хань».

По словам руководителя, «Сборник исторических рассказов Китая» представлял набор книг, задуманных и организованных издательством в начале 1960-х годов так, чтобы для каждой эпохи была написана одна книга. Автором был выбран господин Линь Ханьда, который хорошо писал популярные книги. Господин Линь некогда написал «Новый сборник рассказов о династии Восточная Чжоу», а позже – «Новый сборник рассказов о фронте и тыле династии Хань», которые стали очень популярными. После приглашения он быстро написал и опубликовал «Истории Весны и Осени», «Истории Сражающихся царств» и «Истории династии Западная Хань». «Истории династии Восточная Хань» также была завершена, но из-за «культурной революции» она не была опубликована. В то же время господин Линь также на-

писал более короткую книгу «Все пять тысяч лет», которую так и не закончил.

Эти исторические рассказы, опубликованные детским издательством, являются одними из лучших работ господина Линя, демонстрируя его уникальный стиль письма. Он пытался писать на мандаринском языке, сочиняя исторические рассказы, так что эти книги являются одновременно исторической и китайской литературой. Китай имеет долгую и глубокую историю, и такое количество персонажей и событий трудно совместить и написать о них. Господин Линь использовал метод бисероплетения шелковыми нитями, чтобы связать историю персонажей, сосредоточив внимание на ключевых моментах, не прерывая, связывая верх и низ, интегрируя большие истории с маленькими. Существует также литературный стиль с «пекинским колоритом», с очень небольшим количеством прилагательных и трафаретных слов, подобных даосизму, что притягивает читателя – увлекательный и неизбежный результат этого сборника.

Когда я учился в средней школе, я читал «Новую историю восточных королевств Чжоу», а также «Истории Весны и Осени», и у меня осталось хорошее впечатление. Теперь, когда я могу отредактировать ее сам, я, естественно, чувствую тепло. После тщательного изучения методов написания этих книг я быстро «вошел в роль». Помимо некоторой текстовой обработки первых трех книг, согласно тогдашнему плану доработки, подражая почерку господина Линя,

написал произведение «Кругосветное путешествие» на замену «Встрече долины» в «Истории Весны и Осени». На практике я предварительно усвоил его способ построения рассказов, овладел его языковыми особенностями и некоторыми привычками употребления слов и предложений. Господин Линь написал статью об использовании языка, которую я тоже внимательно прочитал.

После редактирования трех книг – «Весна и Осень», «Сражающиеся царства» и «Династия Западная Хань» – я приступил к редактированию и обработке «Истории династии Восточная Хань». Посмертная работа господина Линя была написана в разгар «культурной революции». Из-за политической ситуации того времени она не была такой утонченной, как первые три. Отобранные рассказы были недостаточно богатыми, а язык относительно пресным. У меня появились опасения, я озадачился: как поступить? Посоветовавшись с господином Е Чжишанем и другими, я отредактировал некоторые тексты, которые только объясняли исторические факты без сюжета, и упорядочил метод аранжировки и стиль языка в соответствии с предыдущими книгами. После обработки рукописи рассказ стал легко читаться. Господин Е и руководители были очень довольны.

В процессе редактирования и обработки этих книг у меня, естественно, возникло желание посетить дом господина Линя. В то время его супруга, госпожа Линь Се Лилинь, жила в переулке Сантьяо в доме № 29, Пикай Хутонг, Сичэн.

Когда я впервые подошел к двери, хотя госпожа Линь была в плохом состоянии и у нее были проблемы со зрением, она приняла меня очень тепло. С тех пор я общаюсь с семьей Линь уже более 30 лет. Госпожа Линь показала мне дневник и другие вещи господина Линя, и я узнал больше о почтенном учителе.

Господин Линь Ханьда родился в 1900 году в Нинбо, провинция Чжэцзян. В раннем возрасте, совмещая учебу с работой, он окончил университет. Съездил в Америку на учебу, где получил степень доктора. Вернувшись в Шанхай, он стал профессором университета. Во время преподавания он изучал лингвистику и реформу китайских иероглифов, а также писал популярные книги. Он говорил на диалекте Нинбо, но аутентичный пекинский язык в его произведениях показывает глубину его мастерства. В 1945 году он участвовал в организации Китайской ассоциации содействия демократии и был одним из основателей демократии. В 1954 году он был назначен заместителем министра образования и членом Комитета по реформе письма. В 1957 году он был назван «правым». С тех пор он посвятил себя писательству, уделяя особое внимание популярным историческим чтениям. К сожалению, из-за «культурной революции» три серии книг, которые он планировал написать (отредактированная серия, серия рассказов и «Все пять тысяч лет»), не были закончены. В 1972 году премьер-министр Чжоу Эньлай попросил его отредактировать перевод. Он тщательно редактировал англий-

ские оригиналы и часто работал до поздней ночи. На второй день после завершения редактирования он перенес сердечный приступ и трагически скончался.

От госпожи Линь я узнал, что редактор детского издательства Шанхая уже был здесь и забрал рукопись госпожи Линя «Новое издание Истории Троецарствия» (500 000 слов) и начало рукописи «Все пять тысяч лет» (чтобы впоследствии попросить кого-нибудь дописать его). И когда я увидел еще одну рукопись «Нового издания Истории Троецарствия» у госпожи Линь, у меня тоже возникла идея: сократить и адаптировать ее в соответствии с объемом первых четырех книг «Сборника исторических рассказов Китая», а затем опубликовать «Истории Троецарствия». Вернувшись, я доложил об этом руководителю и получил немедленную поддержку. С согласия госпожи Линь я забрал оригинальную рукопись с собой.

Тема была определена, но кто будет писать? Первый, кто пришел мне на ум, это Цзя Юань, который раньше был секретарем Линь Ханьды. По словам госпожи Линь, Цзя Юань помогал Линь Ханьда просматривать рукописи во время его пребывания на посту секретаря в 1950-х годах и был хорошо знаком с его языковым стилем. Я нашел Цзя Юаня, который работал за границей и возвращался в Пекин, чтобы навестить родственников. Господин Цзя – искренний и полный энтузиазма человек. Узнав о моей ситуации и идеях, он сказал, что, хотя у него есть прочная письменная база, он

не знаком с историей и слишком стар, чтобы взяться за писательскую работу. Он ободряющее сказал мне: «Только вы способны взяться за это дело, а я могу помочь вам проверить написанное». Его идея совпала с идеей моего начальства, которое также предложило мне самому написать книгу. В то время я без колебаний согласился и вскоре начал придумывать основу, неоднократно перечитывал рукопись, чтобы выбрать сюжеты, и читал исторические книги, чтобы исправить исторические факты. Главное – овладеть манерой речи и особенностями языка. Три месяца спустя я написал рукопись, которая прошла окончательную проверку и рецензирование у господина Цзя Юаня и была опубликована в апреле 1981 года.

Публикация «Истории Троецарствия» полностью отразила творчество Линь Ханьды. Госпожа Линь была довольна качеством книги и подумала, что «это действительно Ханьды». Цзя Юань также сказал мне, что, когда он читал книгу, он чувствовал то же самое, что и при прочтении рукописи господина Линя. Благодаря этим книгам со мной познакомились и коллеги из молодежного издательства Китая. Прочитав книгу, многие люди говорили мне: «Очень нравится», «Очень удачно» и даже называли меня «маленьким Линь Ханьда». В то же время это также давало надежду на продолжение «Сборника исторических рассказов Китая». Некоторые руководители и старые редакторы предложили мне взять на себя ответственность за продолжение этой книги.

Честно говоря, причина, по которой я хорошо справляюсь с этими вещами, заключается в том, что я получил литературное образование и с детства любил историю. Я начал читать древние письма с четвертого класса начальной школы. Когда я не был вовлечен в «культурную революцию», я сам читал курсы «Всеобщая история Китая» и «Всеобщая история мира». Кроме того, я часто смотрю Пекинскую оперу и слушаю Куньцю, и я лучше знаком с общим обликом истории, поэтому могу писать спокойно и отличать подлинность от лжи. Во-вторых, я вырос в Пекине и имею практический опыт владения пекинским диалектом, который легко интегрируется с языковым стилем Линь Ханьды. Третье – у меня есть длительный опыт работы и писательская практика, а также отсутствие страха писать большие статьи и большие работы. В-четвертых, я обладаю умением входить куда угодно и выходить оттуда, умением отступать и привычкой открывать и осваивать внутренние закономерности.

В начале 1982 года тогдашнее Государственное издательское бюро организовало Национальную детскую книжную премию. «История Троецарствия» издательства Чжуншао была удостоена первой премии как выдающаяся литература, а книга «Все пять тысяч лет» издательства «Шаншао» была удостоена награды за выдающиеся достижения. Говоря об этих двух книгах, господин Линь Мохан, председатель жюри, сказал: «Я читал обе книги. «История Троецарствия» издательства «Чжуншао» представляет собой оригинальный

и уникальный стиль произведений Линь Ханьда и должна получить первый приз». Когда Линь Мохан увидел меня и услышал, что мне не платят за то, что я пишу, он от метил: «Это хорошо, очень щедро». И примером Энгельса, который продолжил писать «Капитал» Маркса, он воодушевил меня продолжать.

Чтобы удовлетворить потребности читателей, мы собрали и опубликовали эти пять книг в 1983 году. После 1987 года мы собрали и переиздали их, назвав книгу «Сборник исторических рассказов Китая» с пометкой «Линь Ханьда» перед названием, чтобы подчеркнуть статус автора. За этот период редакция получила сотни писем от читателей, выражавших свою любовь к этому сборнику, и все они надеялись на то, что мы закончим его редактирование. Среди них также были вызвавшие помочь. Я составил конкретный план и попросил некоторых энтузиастов попробовать перо. Но, конечно же, нелегко поддерживать оригинальный стиль письма, поэтому они не были успешны. Моя собственная работа тоже изменилась. Сначала меня перевели редактировать «Ювентальную серию Байке», а затем я стал главой офиса и общества. У меня больше не было времени рассматривать работу над продолжением этого сборника. Однако такие масштабные книги, как «Всеобщая история Китая», «Всеобщая история мира», «Полная книга историй китайских иероглифов», «Священная война сопротивления» и «Серия великих людей мира», которую я редактировал, были опубликованы

последовательно, что также компенсирует этот недостаток. В то же время я много раз заявлял, что все еще готов заниматься работой над сборником в свободное время.

Более тридцати лет пролетели в мгновение ока. Отрадно, что, хотя новые исторические книги появлялись бесконечным потоком, этот сборник исторических историй все еще оставался в поле зрения и памяти людей. Некоторые читатели считают, что «Сборник исторических рассказов Китая» – самое запоминающееся популярное историческое чтение, которое они видели. Они выросли, читая эту книгу, и теперь надеются, что их потомки смогут продолжать читать ее. Читатели так любят эту книгу, что я чувствую не обходимость продолжить ее редактирование. До и после моего ухода с должности в издательстве и за его пределами было много людей, которые убеждали меня начать писать как можно скорее. Поэтому я составил план продолжения написания и редактирования пяти серий, а именно «Истории династии Цзинь, Северной и Южной династий», «Истории династий Суй и Тан», «Истории династий Сун и Юань», «Истории династии Мин» и «Истории династии Цин». Вместе с первыми пятью сериями будут одновременно опубликованы десять серий «Сборника исторических рассказов Китая». Я также предположил, что он должен сохранить свой первоначальный стиль. Во-первых, нужно сохранить метод отбора материалов и языкового стиля при написании. Во-вторых, сохранить стиль оформления обложки оригиналь-

ной книги и, в-третьих, иллюстрации по-прежнему должны быть черно-белыми с акцентом на формы персонажей. Конечно, некоторые вещи – такие как фолиант, переплет, бумага, верстка и другие – изменились с развитием времени и техническим прогрессом. На этот раз все они выглядят по-новому.

На чем я хочу сосредоточиться, так это на проблеме организации контента и языкового выражения. Люди, которые разбираются в истории, почувствуют, что последние пять серий охватывают гораздо более длительный период династий, чем первые пять серий, и исторические материалы намного богаче. Это затрудняет выбор сюжета и смену темы в серии. Однако, чтобы сохранить примерно ту же длину, что и у первых пяти серий, объем был лишь немного увеличен. В дополнение к сосредоточению внимания на основном контексте и основном сюжете я постарался рассказать как можно больше коротких историй и связанных с ними фактов, чтобы адаптироваться к способности современного читателя к чтению. Разговорная речь является характерной чертой языка этой книги. А разговорный язык людей постоянно обогащается и меняется, поэтому копировать первые пять серий невозможно и не нужно. Разговорный язык в XXI веке также отличается от разговорного языка десятилетие назад: появилось много новой лексики, и некоторая используется при письме, но я отвергаю смешные понятия «язык интернета» и «язык мобильного телефона».

Когда последние пять серий были переизданы, в этот раз я также исправил и отредактировал содержимое первых пяти серий – в частности, на основе изданий 1962 и 1978 годов. С точки зрения аннотаций и фонетики были внесены изменения в соответствии с новой ситуацией. В сюжетную линию было внесено множество дополнений и уточнений, чтобы улучшить ощущение истории и повествования и облегчить понимание читателями. Кое-где даются объяснения, основанные на новых исторических открытиях. Например, рассказ о Су Цинь и Чжан И в «Истории Сражающихся царств» большей частью основан на содержании «Исторических записок», но более поздние археологические открытия имеют новые объяснения. Учитывая смерть автора и другие причины, на этот раз исходный текст все же сохранен, но одновременно были сделаны аннотации.

С тех пор, как я привязался к этому сборнику в конце 1970-х, я никогда его не забывал, хотя был пробел, и все хотели, чтобы у этого проекта был счастливый конец, а не полупроjekt. Я много раз говорил: история вездесуща, исторические чтения вечнозелены, и моя надежда не подведет. Теперь я сдержу свое обещание. Осталось три слова для будущих редакторов и читателей: во-первых, мы должны неуклонно составлять книги, усердно учиться, получать настоящие знания и развивать настоящие навыки. Второе – нам нужно овладеть методом чтения исторических книг: не только анализировать людей и события в контексте времени, но и не ру-

ководствоваться словами и делами древних, а быть спокойным читателем. В-третьих, вспомнить слова Мэн-цзы: «Лучше не иметь книги, если веришь в нее». В каждой книге есть свои несовершенства, и эта книга не исключение. Способность обнаружить ограничения и недостатки в ней также является признаком умения читать.

Язык – зеркало души и кисть, история – зеркало общества и гребень. Это даст читателям реальное ощущение в книге. Давайте вместе послушаем безмолвное повествование, увидим невидимую эволюцию разума, примем решетку истории, испытаем омовение культурной святой водой и завершим накопление знаний в жизни.

Январь 2015 года

Соперничество за награды

В 280 году нашей эры династия Цзинь уничтожила царство У. Цзинь У-ди (Сыма Янь), находясь в Лояне, узнал, что правитель царства У – Сунь Хао – покорился. В этот момент он радостно засмеялся, но вслед за этим стал вытирать слезы. Сановники наперебой стали спрашивать, что случилось. Цзинь У-ди, печально вздохнув, сказал: «Я вспомнил о ныне покойном генерале Ян Ху. Если бы не его план, разве мог бы я сегодня стать победителем? Это все заслуга великого наставника Ху!». После этого он издал указ, дарующий супруге Ян Ху из рода князя Ся вечный титул дамы третьего ранга, а также несметное количество шелка и зерна. Затем Цзинь У-ди решил отблагодарить свои войска. Весь двор участвовал в обсуждении, в результате решили, что в победе над царством У самый большой вклад принадлежит троим: Ду Юю, Ван Цзюню и Ван Хуню.

Хотя Ду Юй не руководил штурмом Цзянье, он защищал северный берег Янцзы, смог пробиться к Гуанчжоу и предложил немало хороших планов. Этим он заслужил всеобщее уважение. Цзинь У-ди пожаловал Ду Юю титул князя уезда Данъян, и хотя это был не очень высокий титул, Ду Юй принял его спокойно, и очень скоро отправился к себе. Он знал, что после умиротворения Поднебесной правитель будет опасаться своих военачальников, поэтому написал пись-

мо с просьбой снять с него полномочия по командованию армией. И хотя Ду Юй неоднократно направлял прошения, правитель оставил их без ответа. В результате ему не оставалось ничего другого, как стать командующим войсками в Цзинчжоу. Он активно взялся за строительство ирригационной системы, привлек армию и граждан к копанию каналов и созданию системы орошения полей. В результате зерна стало больше, улучшилась транспортная доступность, жизнь народа стала радостнее, отчего Ду Юя прозвали «отцом Ду». Было у него и другое прозвище – «талантливый Ду» – так как он очень любил учиться, изучать разные науки и сам написал немало книг. Будучи очень образованным, он равнодушно относился к славе и богатству. Цзинь У-ди, зная характер Ду Юя, был полностью в нем уверен.

С Ван Цзюнем и Ван Хунем дело обстояло иначе, много времени потратил Цзинь У-ди в раздумьях об этих двоих. Ван Цзюнь возглавлял флот и повел его на восток вниз по Янцзы, сразу направился к Цзянь и заставил правителя У Сунь Хао покориться. Можно сказать, что победа – в первую очередь его заслуга. Ван Цзюнь именно так и считал, полагая, что заслуги Ван Хуня несравненно меньше. Но Ван Хунь считал иначе. Он был очень влиятелен при дворе, и к тому же был свояком Цзинь У-ди. Дочь Цзинь У-ди принцесса Чаншань с малолетства был слепа. Отец очень переживал за нее, много думая о поиске хорошего супруга для дочери. Ван Хунь женил на ней своего сына, тем самым ре-

шив проблему, беспокоившую Цзинь У-ди. Благодаря такому родству он непрерывно укреплял свою власть, получая все большее влияние при дворе.

К тому же достижения Ван Хуня в победе над У были значительны. Он командовал войсками на северном берегу Янцзы и уничтожил войско в несколько десятков тысяч человек, возглавляемое министром царства У Чжаном Ти. Ван Хунь говорил своим подчиненным: «Если бы я не разгромил основные силы царства У, разве мог бы Ван Цзюнь так легко взять Цзянье? Теперь, когда он одержал верх, могу ли я повиноваться ему?». Было еще одно обстоятельство, которое приводило Ван Хуня в ярость. Когда флот Ван Цзюня приблизился к Цзянье, император издал указ о необходимости согласовывать военные действия с Ван Хунем. К Ван Цзюню был направлен человек для обсуждения нападения на Цзянье. Однако Ван Цзюнь не только не подчинился, но и решил штурмовать Цзянье, и добился успеха, забрав себе лавры победителя. Подумав, Ван Хунь сообщил императору, что Ван Цзюнь нарушил приказ, взбунтовался против вышестоящего начальства, и должен быть наказан.

Обдумав, Цзинь У-ди отправил Ван Цзюню императорский указ, осуждавший его за неподчинение воле императора, и отказ подчиняться Ван Хуню. Ван Цзюнь, увидев указ, остался очень недоволен. В свои семьдесят с лишним лет он сражается на флоте, старается ради блага государства, и в итоге его достижений никто не признал, и еще и Ван

Хунь нажаловался на него императору. Застонав от злобы, Ван Цзюнь сразу же написал ответ с объяснениями Цзинь У-ди. Ответ был очень длинным, но общий его смысл был таким: «Когда государь направил меня атаковать царство У, мне был дан приказ без колебаний захватить Цзянье. И я, не мешкая, направился с войском в поход на восток. После этого я получил еще один приказ, и там ничего не было сказано про подчинение Ван Хуню. Когда я приблизился к Цзянье, Ван Хунь прислал человека с приказом остановиться, дожидаться его прихода, и обсудить дальнейшие действия. Но он даже не упомянул, что я нахожусь в его подчинении. На это я ответил, что флот стремительно идет по течению, и если сейчас остановиться, то корабли рассредоточатся, и мы потеряем тактическое превосходство. Именно поэтому я продолжил движение флота и начал штурм Цзянье. К полудню того же дня города был взят, а ближе к вечеру я получил приказ перейти в распоряжение Ван Хуня, хотя к тому времени Сунь Хао уже капитулировал. Ван Хунь долго был на северном берегу Янцзы, даже не попытавшись начать штурм Цзянье, и теперь говорит, что я преступник. Я стремительно захватил Цзянье и получил за это лишь порицание. Непонятно, как так может быть. Надеюсь, что Государь внимательно разберется...».

Ван Цзюнь думал, что, рассказав об истинном положении дел, он решит свои проблемы. Кто же мог подумать, что Ван Хунь вручит клеветническое письмо своего подчинен-

ного Чжоу Цзюня императору. В письме сообщалось: «После захвата Цзянье войска Ван Цзюня сожгли дворец Сунь Хао и похитили множество ценностей. Это очень серьезное преступление». Когда Ван Цзюнь узнал об этом, ему ничего не оставалось, как написать письмо с объяснениями, гласившее: «Правитель царства У со своими придворными жи-вы, государь может проверить, действительно ли мои войска занимались поджогами и мародерством. Со слов начальника дворцовой стражи Кун Шу, свита выкрикивала, что будет сражаться не на жизнь, а на смерть ради Сунь Хао. За это Сунь Хао раздал им свои сокровища, и когда свита разбежалась, он сдался. Защитники сами подожгли дворец, и когда мои войска вошли в город, нам пришлось тушить огонь. Я всегда справедливо командовал войсками, и государь знает, что мои войска никогда не причинят вреда гражданскому населению. По моему приказу казнено 13 человек, нарушивших военные законы. Также моими подчиненными было поймано более 20 человек, занимавшихся грабежом. Во время расследования оказалось, что все они подчиненные Чжоу Цзюня. Я сразу же отправил их к Чжоу Цзюню для назначения заслуженного наказания. И я даже подумать не мог, что за это он оклеветает меня».

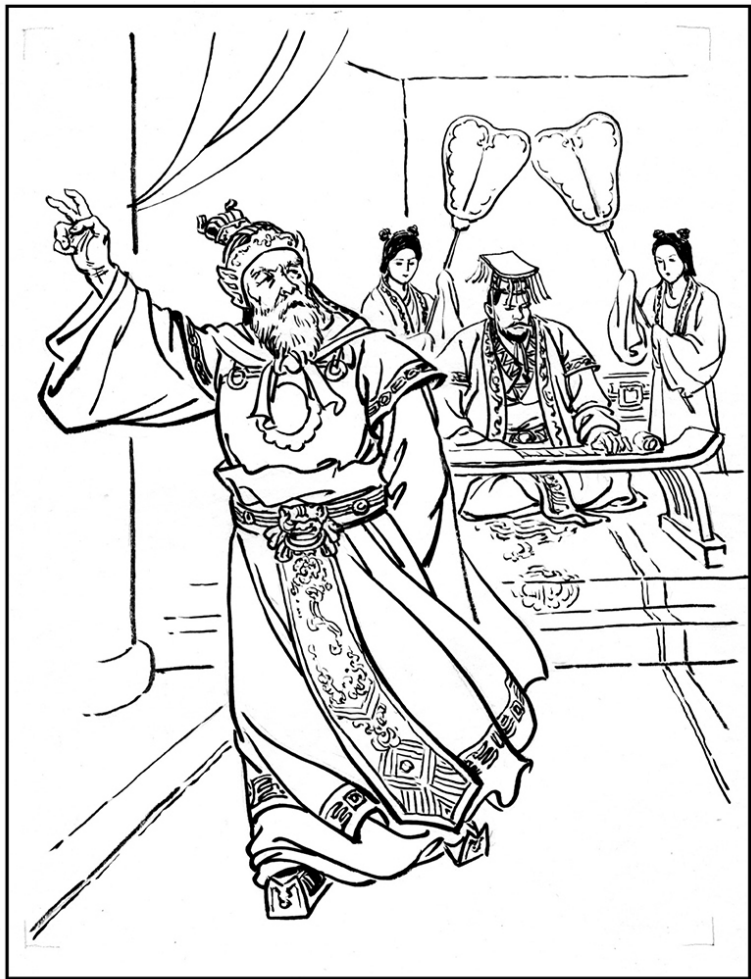
Цзинь У-ди, прочитав письмо Ван Цзюня, все понял, и прекратил заниматься этим делом. Но Ван Хунь и не думал успокаиваться, он везде говорил о Ван Цзюне как о ничтожестве. Его сын, пользуясь своим положением зятя импера-

тора, распускал слухи о том, что Вань Цзюнь, будучи начальником округа Ичжоу, подкупал людей, и теперь в Цзянь занимается тем же. Он точно задумал мятеж! Цзинь У-ди не верил этим слухам, но и не хотел ставить своих родственников в неловкое положение. Так продолжалось чуть более двух месяцев. Наконец Цзинь У-ди решил наградить отличившихся. Ван Хунь получил новый титул князя и стал великим полководцем-покорителем востока. Ван Цзюнь получил титул князя и стал полководцем-помощником царства. Стало очевидно, что Ван Хунь оказался важнее Ван Цзюня.

Ван Хунь был очень доволен, а Ван Цзюнь был в гневе. Прошло некоторое время, и Ван Цзюнь возвратился в Лоян. И при любом случае сетовал на несправедливость, постоянно злился, и, встречаясь с людьми, всегда был недоволен. Каждый раз, встречаясь с Цзинь У-ди, он был бледен и мрачен, и без устали жаловался на наведенную на него напраслину и несправедливо пожалованные награды. В один из дней он разошелся в гневе настолько, что, не выдержав, застонал, и, продолжая стонать, развернулся и ушел, даже не попросив у Цзинь У-ди разрешения удалиться. Хотя Цзинь У-ди такое поведение раздосадовало, он все же посчитал, что заслуги этого человека были несомненны, к тому же Ван Цзюню было уже почти восемьдесят лет, и поэтому правитель решил забыть об этом.

Когда об этом случае узнал подчиненный Ван Цзюня Фань Тун, он, забеспокоившись о старом военачальнике, произ-

нес: «Вы смогли покорить царство У, но не можете сохранять самообладание, это не очень хорошо. Если так будет продолжаться, может случиться беда». Ван Цзюнь, внимательно посмотрев, спросил: «Разве я говорю неправду? Что же, по-твоему, мне делать?». Фань Тун, понизив голос, ответил: «Думаю, Вам нужно хорошенько отдохнуть у себя дома, и перестать везде рассказывать о ваших заслугах. Если же люди будут спрашивать, говорите, что это заслуга правителя и народа, а вы – старый человек, какие уж там способности! Ранее Линь Сянжу примирился таким же способом с Лянь По. Ван Хунь, услышав от Вас такие слова, почувствует вину». Ван Цзюнь, задумавшись, кивнул головой и сказал: «Хороший план! Я вспомнил, как во время покорения Царства Шу военачальник Дэн Ай захватил Чэнду, но из-за предательства Чжун Хуэйя лишился жизни. Боюсь, что такая же участь может ждать и меня. Достаточно уже сказал, но как быть с тем, что уже сказано? И на сердце еще так тяжело. Эх! Гнев уйдет. Кажется, я уже чуть успокоился. Хорошо, с сегодняшнего дня буду делать, как ты говоришь!».

Ван Цзюнь говорил и злился все сильнее, и громко застояв, развернулся и ушел

С этого времени Ван Цзюнь больше не говорил о своих заслугах, но при каждом удобном случае упоминал о мудрости Императора и смелости воинов. Его слова дошли и до дворца, и очень обрадовали У-Ди. Сановники, увидев скромность Ван Цзюня и то, как он умалает свои заслуги, стали жаловаться на несправедливость к нему. Старший ученый Цинь Сю, учитель-наставник наследных принцев Мэн Кан и другие писали императору: «Главный полководец-опора государства, оказав царству столько услуг и получив так мало за свои заслуги, все же искренне благодарен Императору за пожалованную награду. И даже если сейчас в полной мере воздать ему по заслугам, это не добавит ему славы, напротив, опозорит его. Люди Поднебесной не понимают, как могла произойти такая несправедливость. Флот Ван Цзюня за десятки дней покорил царство У, и даже если даровать ему все богатства царства У, этого будет мало, чтобы вознаградить его». Император и раньше думал, что был несправедлив с Ван Цзюнем, а читая письма сановников, решил воздать ему по заслугам, даровав ему титул полководца, обеспечивающего мир в государстве. А вскоре опять повысил до главнокомандующего, дав ему возможность принимать участие в государственных делах. Таким образом, недовольство в народе было потушено. Ван Цзюнь был очень рад и разны-

ми неявными способами старался отблагодарить Фань Туна.

После этого случая Ван Цзюнь понял, что неважно, какие у тебя достижения и насколько известно твое имя. Важно то, как правитель оценивает твои заслуги. Возраст у него был уже преклонный, сколько ему еще оставалось прожить? В результате, он словно стал новым человеком, наслаждался жизнью, стал следить за тем, что ест и пьет, и каждый день радовался жизни. Он даже позаботился о месте своего погребения, выбрал большой участок, посадил там много хвойных деревьев, буйная зелень которых выглядела очень красиво. Не прошло и нескольких лет, как Ван Цзюнь заболел и скончался на восьмидесятом году жизни.

Когда Цзинь У-ди наградил отличившихся подданных, он решил заниматься делами государства. По его указу областям и уездам запрещалось учреждать собственные войска, а предписывалось прежде всего заняться развитием земледелия, обеспечить спокойную и безмятежную жизнь простому народу. После объединения всей страны Цзинь У-ди в новом году объявил девизом своего правления Тайкан, и обнародовал систему наделного землепользования и систему обложения налогами полей. По этой системе аристократия и чиновники имели ограничения по владению землей, что стимулировало крестьян обрабатывать и засаживать существующие поля, распахать целину для собственных нужд, и стимулировало большее производство. В итоге еды стало больше, увеличилось население, вырос доход от налогов и

государство разбогатело. Некоторые люди называли это время «процветающим великим умиротворением и спокойствием», сановники нараспев восхваляли мудрость правителя. Цзинь У-ди сам стал думать, что он выдающийся правитель. Однако в таких благоприятных условиях народ начал проявлять стремление к веселью и наслаждениям, и вскоре обнаружил свой подлинный облик.

Как жаль этот трон

Когда Цзинь У-ди только взошел на престол, он старался быть бережливым, и требовал от военных и гражданских чиновников жить просто и скромно. Однажды во время аудиенции он приказал дворцовому стражнику принести меховую шубу, украшенную перьями, чтобы показать сановникам. Шуба была украшена перьями с голов фазанов, она была пестрая и необыкновенно красивая. Стоила такая шуба баснословно дорого. При виде такой красоты глаза сановников засверкали. Цзинь У-ди сказал: «Эту вещь мне преподнес в дар врач Чэн Цзюй. Я запретил вам расточительство и роскошь, как же могу сам нарушить запрет? Сожгите эту шубу!». Стражники перед присутствующими сожгли шубу, и вскоре от нее остался лишь пепел. Чиновники были в ужасе и боялись сказать хоть слово. В этот же день Цзинь У-ди приказал наказывать всякого, кто вздумает преподнести в дар императору роскошный подарок.

Но после объединения государство стало постепенно богатеть, и Цзинь У-ди решил, что уже пора наслаждаться жизнью, и больше не вспоминал о простоте и бережливости. Он решил, что дворец, доставшийся от предыдущего правителя Вэй Мин-ди (личное имя Цао Жуй) обветшал, и пора бы построить новый, да и могилы предков хорошо бы тоже привести в порядок. Поэтому был издан указ о строительстве

нового дворца и работах по восстановлению гробниц с использованием, естественно, самых лучших материалов. По всей стране были разосланы люди для поиска материалов. И неважно, насколько далек был путь, все нужно было доставить в Лоян. Для еще большей роскоши при строительстве не жалели драгоценностей. В гробницах были установлены двенадцать гигантских медных колонн, покрытых золотом и инкрустированных драгоценными камнями. Цзинь У-ди уже не был столь строг к подаркам. Если чиновник хотел повышения и в тайне преподносил подарки, Цзинь У-ди все принимал, забыв о наказаниях.

Цзинь У-ди также широко прославился своей любовью к женщинам. После усмирения государства У он оставил дворцовых женщин в Цзянье в дополнение к уже имевшимся, таким образом их численность превысила 10 тысяч. Когда было нечем заняться, то Цзинь У-ди садился в повозку, запряженную бараном, и катался по дворцу: где баран останавливался, в те покои шел император развлекаться, а то и оставался на ночь.

Император стремился наслаждаться жизнью и неохотно занимался государственными делами, что вызывало недовольство честных чиновников. Однажды, отправившись в южное предместье для поклонения богам, Цзинь У-ди увидел чиновника Лю И, и вспомнив, что тот является потомком династии Хань, спросил: «Как думаешь, с каким императором династии Хань можно меня сравнить?». Лю И, опустив

лицо, отвечал: «Вы похожи на Хуаня и Линя». Император Хуань и император Линь – это два самых праздных и распутных императора Восточной Хань, всем известные тираны. Цзинь У-ди, изменившись в лице, сказал: «Это что ж ты такое говоришь? Я, конечно, не так добродетелен, как святые прошлых времен, но государством управляю старательно, усмирил Восточное У и объединил Поднебесную. Как ты можешь равнять меня с Хуанем и Линем?». Не мог он себе представить, что на это Лю И ответит еще более неприятными словами: «Хуань и Линь в свое время торговали должностями, полученные деньги отдавали в казну, а ты продаешь должности и деньги оставляешь себе. Получается, что ты еще хуже них». Цзинь У-ди только собрался разгневаться, но понял, что Лю И говорит правду, и, усмехнувшись, сказал: «Во времена Хуань и Линь ни один чиновник не осмелится бы так говорить. То, что у меня сейчас есть такой честный чиновник, говорит о том, что я совсем не похож на Хуаня и Линя».

Не взирая на мнение других людей, Цзинь У-ди был весьма доволен собой. Но проблема наследника не давала ему покоя. Его сын Сыма Чжун в год своего девятилетия был признан наследником престола и готовился продолжать династию. Но с малолетства он был глуповат, ничего делать не умел, даже речь его была невнятной, а уж про чтение и письмо и говорить нечего. Учитель объяснял ему иероглифы, но он забывал все к концу дня. Этот слабоумный был признан

наследником только потому, что был рожден императрицей Ян.

Наследник с детства жил во дворце и, кроме того, как вкусно покушать и хорошо одеться, ничего не знал. Однажды, играя в саду, он услышал кваканье лягушки, и стал спрашивать окружающих: «То, что кричит – это дворцовое или личное?». А окружающие отвечали, посмеиваясь: «То, что во дворце кричит, то дворцовое, а в частных владениях – личное». В один из неурожайных годов во многих местностях не получили урожая, люди умирали из-за отсутствия риса. Наследник, услышав, сказал: «Нет риса, так почему бы не съесть мясную кашницу?». Мясную кашницу делали из фарша, он целыми днями это ел и не представлял, какие лишения испытывает народ.

Вот до какой степени наследник был глуп. Как ему можно было доверить управление государством в будущем? Весь двор – и гражданские, и военные – переживали и надеялись, что его заменят на более способного к управлению государством отпрыска. Цзинь У-ди, будучи весьма неглупым, конечно же, тоже это видел. Однажды он спросил ближайшего чиновника Чжан Хуа: «В ком ты видишь мне замену?». Чжан Хуа, поскольку был порядочным человеком, сказал, как на духу: «По моему разумению, хоть по добродетели, хоть по таланту, все же родственник вашего Величества – правитель княжества Ци – самый подходящий на это место». Даже не думал он, что Цзинь У-ди, услышав это, как будто окаменеет.

Правитель княжества Ци – Сыма Ю – родной брат Цзинь У-ди, помогал в дворцовых делах. С людьми он был великодушен, принимал к сердцу страдания простого народа, репутация его всегда была превосходна. Многие чиновники надеялись, что он унаследует императорский трон. Но Цзинь У-ди хотел оставить императорский трон сыну. Подобные толки сильно его сердили. Младшие церемониймейстеры Сюнь Сюй и Фэн Дань давно уже не ладили с Чжан Хуа, и видя, что император осерчал на последнего, исподтишка стали принижать его значимость и поговаривали: «Правитель княжества Ци занимает официальный пост, а Чжан Хуа к нему расположен. Это несправедливо по отношению к наследнику. Надо бы отправить правителя княжества Ци в удельные земли!». Услышав такое, Цзинь У-ди распорядился отправить Чжан Хуа управлять Ючжоу, а правителю княжества Ци было велено вернуться в царство Ци, и он был отстранен от управления делами императорского двора. Многие чиновники и императорская родня, услышав про это, пришли просить за него, и уговаривать Цзинь У-ди не выгонять правителя княжества Ци. Цзинь У-ди осерчал еще больше, и велел правителю Ци поскорее убираться. У обиженного понапрасну правителя Ци от злости началась рвота кровью, и он умер через два дня. Цзинь У-ди, вспомнив про родственные чувства, не удержался от слез.

Наследник сказал: «Нет риса, так почему бы не есть мясную кашу?»

Управитель общественных работ Вэй Гуань также был обеспокоен способностями наследника, но после случая с отсылкой Чжан Хуа и смертью правителя княжества Ци не осмеливался на прямые уговоры. В один из дней Вэй Гуань принимал участие в парадном приеме, проводимым Цзинь У-ди в резиденции Линъюнтай. Он, притворившись пьяным, упал на колени перед Цзинь У-ди и сказал: «Мне есть что сказать... Ваше Величество!» Вэй Гуань был старым чиновником, назначенным на важный пост еще Сыма Чжао, и Цзинь У-ди, решив проявить уважение, велел ему говорить. Вэй Гуань, щупая рукой императорский трон, произнес: «Ой-ой-ой, как жаль этот трон, как жаль этот трон!». Цзинь У-ди понял смысл его слов, но не хотел этого показать, и с усмешкой произнес: «Ты и правда много выпил, совсем пьян, скорей пойдешь отдохнешь».

После этого Цзинь У-ди задумался о смене наследника. Он изложил свои соображения императрице Ян, та расплакалась от волнения, сказав: «С древних времен интересовались только возрастом наследника, никого не интересовали его способности». Цзинь У-ди оказался перед дилеммой и решил испытать еще разок интеллектуальные способности наследника. В один из дней он специально пригласил на банкет чиновников Восточного дворца (резиденция наследни-

ка), также позвав Вэй Гуаня и других старых чиновников, а сам тайно отправил к наследнику человека с официальными документами для того, чтобы тот рассмотрел и подписал их. Поскольку все чиновники отсутствовали, некому было помочь, наследнику пришлось бы самому подумать и вынести решение, вот тут-то бы и стало понятно, на что он способен. Наследник, получив документы, ничего в них не понял, что уж говорить о наложении резолюции. От волнения на его пухлом лице аж пот выступил. Его наложница Цзя Наньфэн обеспокоилась пуще него. Наложница Цзя была дочерью всесильного сановника Цзя Чун, и вышла она за дурачка только ради того, чтобы в будущем стать императрицей.

Если он не преодолеет это испытание, то у него отнимут статус наследника и не быть ей никогда императрицей. Наложница немедленно отправила надежного человека из дворца на поиски знающих людей, чтобы они за наследника все написали, и пообещала хорошее вознаграждение. Найденные люди написали длинное сочинение, ссылаясь на классические каноны. Доверенный человек принес все обратно и отдал наложнице, однако она не смогла оценить написанного, но царедворец Чжан Хун, увидев проблему, сказал: «Императору давно известно, что наследник не читает древних книг, как он может цитировать классические сюжеты древней поэзии? Сразу видно, что подделка, уж лучше бы написали несколько правдоподобных фраз». На что наложница Цзя отвечала: «Нет уж больше времени, напиши что-

нибудь сам! А уж я тебя отблагодарю». Чжан Хун небрежно написал несколько фраз, а наследник переписал их. И Цзя отправила все это Цзинь У-ди.

Цзинь У-ди посмотрел документ. Написано немного, но все понятно и складно. Мимоходом передал его сидящему рядом Вэй Гуаню и, задрав подбородок, сказал: «Это наследник написал, посмотри, как тебе?». Вэй Гуань, взяв документ, внимательно посмотрел, в душе усомнившись в том, что такое мог написать наследник. Но, подняв глаза, увидел довольного собой Цзинь У-ди, и через силу смеясь, сказал: «Сойдет, сойдет, у наследника последнее время наметился прогресс!». Цзинь У-ди расхохотался.

Спустя несколько дней Сюнь Сюй и главный секретарь государственной канцелярии Хэ Цяо пришли к Цзинь У-ди. Цзинь У-ди вспомнил, что Хэ Цяо всегда был недоволен наследником, и сказал: «У наследника в последнее время наметился прогресс, сходите в Восточный дворец, навестите его». Сюнь Сюй и Хэ Цяо отправились туда, но вскоре вернулись. На вопрос Цзинь У-ди Сюнь Сюй с усмешкой ответил: «Совершенно верно. Наследник сейчас гораздо лучше, чем раньше. Это так радостно!». Цзинь У-ди, кивая головой, посмотрел на Хэ Цяо и ждал, что тот скажет. Неожиданно Хэ Цяо с каменным выражением лица заявил: «Я думаю, никакой разницы и нет!». Цзинь У-ди, услышав, рассердился, развернулся, взмахнув рукавами, и ушел. Сюнь Сюй неустанно прицал Хэ Цяо за то, что тот так расстроил императора Хэ

Цяо, пристально глядя на Сунь Сюя, не обращал внимания на его слова. Раньше они частенько ездили на службу к императору в одной повозке. После этого случая, увидев, как Сунь Сюй любит врать, Хэ Цяо больше никогда не садился с ним в одну повозку.

Цзинь У-ди никак не мог решиться лишить сына титула наследника. Во-первых, это было неудобно императрице. Во-вторых, он считал, что у него есть решение проблемы. Когда он только вступил на престол, то опасался, что подчиненные в один прекрасный день заставят его потомков отречься, подобно тому, как он сам заставил императора семьи Цао уступить ему престол. Поэтому он назначил членов своей семьи удельными князьями, одним махом распределив 27 уделов между своими дядями, братьями и сыновьями. Он считал, что если в будущем наследник и не сможет достойно управлять, то уж множество князей из родной семьи точно ему помогут! Если во дворце потребуется помощь, то удельные князья со всех уголков страны смогут ее оказать, ведь они одна семья! Размышляя таким образом, Цзинь У-ди решил не менять наследника.

Через некоторое время императрица Ян умерла от болезни. Перед смертью она просила Цзинь У-ди: «После моей смерти женись на моей младшей сестре! Она позаботится о наследнике». Цзинь У-ди ответил согласием. Императрицу звали Ян Янь, ее двоюродную сестру звали Ян Чжи. Семья Ян была известной и зажиточной, они очень любили власть

и могущество. Цзинь У-ди взял Ян Чжи во дворец, сделав ее императрицей. Ее отец Ян Цзюнь вслед за ней тоже обрел положение в обществе, каждый день выходил из дворца, выпятив грудь, не считаясь ни с кем. Цзинь У-ди видел, что новая императрица по возрасту хоть и близка наследнику, но относилась к нему со всей добротой, поэтому, вздохнув с облегчением, он продолжил ежедневное веселье. Знать и чиновники, видя настроение императора, тоже храбро продолжили расточительство, занимаясь воровством несметных богатств, где только могли, не говоря уж о наслаждении роскошной жизнью, еще и не упуская возможности пустить пыль в глаза.

Богачи соревнуются в богатстве

Аристократия и чиновники династии Цзинь прославились своим вниманием к одежаниям и яствам. Будь то представители старой аристократии или люди, ставшие знатными недавно, главным их умением было расточительство. Имеющий положительную репутацию в годы основания государства аристократ Хэ Цзэн к пожилому возрасту уже не мог довольствоваться абы какой одеждой и едой. Не описать словами красоты его одежаний и утонченности яств, которые были даже лучше, чем во дворце. На великолепное питание уходило десять тысяч монет ежедневно, что обычному крестьянину хватило бы на много дней. А Хэ Цзэн еще и досадовал, что плохо питается, а ежели вкус блюда был не совершенен, то к пище он даже не притрагивался. Иногда взглянув на пищу, сразу говорил: «Ах! И места-то нет, чтобы начать трапезу». Он пресытился. Когда же его сын Хэ Шао стал чиновником, то его вкусы в еде стали еще более изощренными, а траты на ежедневное питание достигли двадцати тысяч монет. На его столе постоянно были все возможные деликатесы.

Сын Ван Хуня Ван Цзи, став зятем императора и дерзновенно претворяя в жизнь все возможные замыслы, также наслаждался жизнью. Стоимость земли в Лояне была невероятной, и многие чиновники не могли позволить себе уплатить ее, что и говорить о простом люде. В семействе Ван Цзи

домов было сколько угодно. Он даже приобрел земельный участок за баснословную сумму и сделал из него ипподром – все для того, чтобы похвастаться богатством. Помимо этого, он еще и сложил из медяков невысокую замкнутую ограду, получившую название «Золотой ров». В еде он отличался особенной изощренностью. Однажды, когда Цзинь У-ди прибыл к нему в дом для знакомства с дочерью, Ван Цзи приказал повару приготовить множество первоклассных угощений, и все они были поданы в глазурированных пиалах. Одним из блюд были сваренные на пару поросята, мясо которых было чрезвычайно нежным. Цзинь У-ди настолько понравилось блюдо, что он спросил, как оно приготовлено. Стоило только Ван Цзи приступить к рассказу, У-ди чуть было не вырвало. Сперва поросята были вскормлены человеческим молоком, а затем и приготовлены в человеческом молоке. Услышав это, Цзинь У-ди почувствовал омерзение и удалился, не завершив обед.

Таковыми были чиновники первого поколения, последующие поколения учились у них. И не было у них других забот, кроме как еда и одежда. Взбесившись с жиру, они целыми днями, собравшись вместе, – и мужчины, и женщины – снимали все свои одеяния, ели и пили все подряд, в чем мать родила. У аристократии было и еще одно пристрастие – соревнование в богатстве: у кого денег больше, кто лучше умеет ими насладиться. Сын советника Ши Бао – Ши Чун – с малых лет читал книги и писал стихи, а еще и мог вести

войска в бой. В период «Умиротворения Востока» он отличился воинскими подвигами, за что впоследствии ему был пожалован титул чиновника. Слава его гремела и мастерство стяжательства тоже. Всего за несколько лет в должности Ши Чун стал богачом. Дома у него было несметное количество золота и серебра, использовались самые лучшие шелка, бамбук, дерево и камень, а еще он обладал множеством земель, имущества, домов и слуг. При этом он досадовал, что жизнь не роскошна, и построил за пределами Лояна еще один дворец, который получил наименование Цзинь-гу-юань. Чего в нем только не было для удовольствий, и не описать!

Уборная в доме Ши Чуна была оборудована не хуже спальни. Однажды с поклоном к нему прибыл чиновник Ли Ши, которому понадобилось отправиться в туалет. Увидев внутри вышитый парчой полог от москитов, а вдобавок еще и несколько комплектов постельных принадлежностей и двух служанок, стоящих с мешочками благовоний в руках с одной стороны, он испугался, поспешно вышел и, извиняясь, сказал Ши Чуну: «Прошу прощения. Я по ошибке вошел в Ваши внутренние покои». А Ши Чун, отмахнувшись, сказал: «Вы не ошиблись, это и есть уборная». Помимо этого, внутри было приготовлено множество новых одежд. Гость входил, снимал всю одежду, совершал туалет, его омывали и окуривали благовониями несколько служанок, он надевал новую одежду и лишь затем мог выйти. Услышав это, Ли Ши не решился вновь войти туда, посчитал лучшим стерпеть и,

откланявшись, отправился по нужде в другое место.

Дом высокопоставленного чиновника по имени Ван Кай, дяди Цзинь У-ди, тоже выглядел богато.

Он любил кичиться своим богатством. Услышав, что Ши Чун разбогател, он никак не мог смириться с этим и постоянно желал принизить его. Ван Кай сперва отправил человека к Ши Чуну разведать что там и как. Разузнав все, он повелел мыть посуду рисовым молоком и пшеничным сиропом. И сделал так, чтобы об этом узнал Ши Чун. Услышав об этом, Ши Чун сказал слугам: «Разве это дорого? Вот мы будем топить отныне белым воском вместо дров, у нас его сколько угодно!». Вскоре Ши Чун услышал о том, что в доме у Ван Кая обмазывают стены красной каменной смолой (самодельное лекарственное средство), что придает красивый вид и аромат. Он тут же позвал людей обмазать стены дома молотым сычуаньским перцем и глиной. Аромат такого дома стал более приятным, а еще он хорошо сохранял тепло. В те времена ароматный перец приходилось закупать за пределами царства, и в домах обычных людей его было не найти. Ван Кай тоже вступил в соревнование. Однажды вместе со всей семьей он вышел из дома и сперва велел слугам поставить шатер из фиолетового шелка, накрыв путь, который они должны были преодолеть. Шатер занял 40 ли. Когда Ван Кай и его родственники шли под шатром, простой народ глазел на это, и они преисполнились самодовольства. Об этой истории сразу услышал Ши Чун и тут же приказал: «Мы тоже

поставим шатер, но длиннее и лучше, чем шатер Ван Кая». В итоге, шатер семейства Ши простерся на 25 километров и был, к тому же, сделан из расшитого атласа, что при взгляде на него рябило в глазах. Ши Чун шел под шатром во главе семейства. Зевак собралось намного больше, чем у Ван Кая.

Ван Кай несколько раз не смог одержать победу, потерял лицо и отправился на аудиенцию к племяннику – Цзинь У-ди. Там он заявил: «Я – дядя императора, а живу в меньшей роскоши, чем этот Ши Чун. Принизили не только меня, но и императорское семейство!». Цзинь У-ди, подумав, сказал: «Я покажу тебе одно сокровище». Сказав это, он приказал царедворцам принести кое-что. Ван Кай увидел красно-белый предмет, немного похожий на дерево в высоту около полметра с множеством веток, но не из древесины и без листьев. И пока Ван Кай так недоумевал, Цзинь У-ди, посмеиваясь, сказал: «Это привезено из-за рубежа, называется коралл, и произрастает он только в морских глубинах.

Разве видел такое Ши Чун? Я дарю тебе, отнеси ему посмотреть, и он наверняка покорится тебе».

Ван Кай радостно отвез коралловое дерево домой и упаковал его в ящик. Спустя несколько дней он, взяв с собой дерево, отправился с визитом к Ши Чуну. Они вдвоем ели, пили и восхваляли друг друга. Ван Кай заявил: «Вы многое повидали и многое poznали, у меня есть одно сокровище, посмотрите на него тоже». Произнося эти слова, он вынул коралловое дерево. Ши Чун сразу осмотрел его со всех сторон.

Ван Кай подумал про себя: «Посмотрим, вынесешь ты такое или нет!». Но он и не думал, что Ши Чун, повернувшись, поднимет железный жезл «жуи»¹, ударит им коралловое дерево и в один миг искрошит его в порошок. Ван Кай едва не упал в обморок и, топая ногами, закричал: «Ты дошел до крайности! Позавидовал, что у меня есть коралловое дерево! Ты заплатишься!». Ши Чун, скривив рот, сказал: «Тебе не зачем сердиться. Я сейчас верну тебе дерево». Он отдал распоряжение своим домочадцам: «Вынесите все наши коралловые деревья, пусть гость посмотрит их и унесет одно с собой». Вскоре домочадцы Ши Чуна принесли шесть или семь коралловых деревьев, и поставили в зале во всем их великолепии. Ван Кай детально рассмотрел их, каждое выше метра и красивее, чем было его дерево. Он долго в оцепенении смотрел на них.

С этого момента Ван Кай больше не соревновался с Ши Чуном в богатстве, но решил всему у него научиться. Было несколько секретов, которые он давно хотел узнать. Первый состоял в том, что бобовая каша Ши Чуна готовилась очень скоро, и подавалась всегда очень быстро по распоряжению. У него же каша томилаась очень долго. Другой заключался в том, что с приходом зимы пропадал душистый лук. Однако в доме Ши Чуна всегда можно было отведать свежего лука, поэтому у него зимой собиралось полно гостей. Отведав вку-

¹ Изогнутый декоративный предмет, который служит либо церемониальным скипетром, либо талисманом, символизирующим силу и удачу.

са душистого лука, гости обязательно произносили несколько хвалебных фраз в адрес Ши Чуна. Это тоже вызвало восхищение Ван Кая. Был и еще один секрет – Ван Кай и Ши Чун частенько ездили в повозках, запряженными волами, за город охотиться. Возвращаясь, они соревновались, кто первым въедет в городские ворота, и гнали повозки со скоростью ветра. Однако, повозка Ши Чуна все время была впереди, чего не мог снести Ван Кай.

Ван Кай приказал приближенным найти способ узнать тайны семьи Ши. Слуги Ван Кая подкупили человека из семьи Ши, и тот рассказал, что на самом деле нет никаких секретов.

Ван Кай надолго оцепенел и не мог произнести ни слова

«Варить бобы тяжело, поэтому их отваривают заранее. Когда хозяин приказывает приготовить кашу, то сразу начинают готовить кашу из белого риса. Рис готовится быстро. Когда рисовая каша готова, то в нее добавляют бобы. Конечно, так быстрее! С лета заготавливают корни душистого лука, а зимой, когда захочется лука, к ним добавляют пшеничные ростки и подают, разрезав на мелкие кусочки. Что касается быстроты повозки с волами, то это зависит от управления животными. В обычное время не следует гнать их слишком быстро, а дождавшись времени соревнования, направить оглобли в одну сторону быку неудобно, поэтому он бежит быстрее». Услышав доклад вернувшихся слуг, Ван Кай радостно сказал: «Мы тоже будем так делать». И действительно, они научились, и приходящих к ним в дом отве-
дать бобовой каши и душистого лука гостей тоже начало становится больше. Во время соревнования на колесницах Ван Кай оставил колесницу противника далеко позади и первым въехал в город. От такого развития событий Ши Чун вновь призадумался. Он провел тайное расследование и узнал, что член его семьи разгласил секрет. Он разозлился так, что зубы закрипели, и убил разгласившего тайну.

Ван Кай тоже не раз убивал человека, чтобы похвастаться богатством. Во время приема гостей он постоянно распоряжался, чтобы певички из их дома исполняли рядом песни

и настойчиво угощали гостей вином. Однажды одна певичка играла на флейте и по неосторожности сфальшивила. Ван Каю стало настолько неудобно, что он приказал сразу убить ее. А вдобавок еще и сказал певичкам: «Если кто-то из гостей не пьет до дна, то это ваша вина, и я убью вас». Был и такой случай, когда друг Ван Кая Ван Дунь приехал в гости вместе с Ваном Дао. Ван Дао совсем не умел пить вина, но боялся причинить вред певичкам, поэтому пил до дна. Ван Дунь принял твердое решение не делать ни одного глотка вина. Разносившая вино певичка испуганно преклонила колени и плача, умоляла его выпить. Но Ван Дунь даже смотреть на нее не стал. Ван Кай сразу убил певичку.

Ши Чун все больше стремился занять место первого богача. Когда он был начальником округа в Цзинчжоу, то направлял помощников грабить и отбирать ценности у купцов и зарубежных послов, так он разбогател. Имущества у него в доме стало столько, что и не сосчитать. Богачи так себя вели, что, конечно, были и недовольные. Командующий боевыми колесницами и конниками Фусянь заявил Цзинь У-ди: «Ныне вред от роскоши гораздо сильнее, чем от стихийных бедствий!».

Один отшельник по имени Лу Бао написал «Цянь Шэнь Лунь» или «Трактат о власти золота», в котором высмеял любовь к деньгам. Он сказал, что «монета имеет квадрат внутри, хотя сама круглая снаружи, а любитель денег считает деньги роднее семьи. Заполучив деньги, можно осуществить

то, что без них было невозможно. Как говорится в поговорке: „Тот, кто при деньгах, заставит и черта“. В головах у людей сейчас кроме денег больше ничего и нет».

Благоприятно ли для государства такое поведение богатых и знатных? Из народа пришел рассказ об одном необыкновенном случае. Поговаривали, что рис дома у Ши Чуна за ночь превратился в полевых улиток. Еще говорили, что это предзнаменование, что вся семья Ши будет истреблена. Пусть это и легенда, но она не безосновательна. Чиновники и аристократия вели себя, как заблагорассудится, где уж там не случиться беде? Не прошло много времени, как беда действительно нагрянула.

Сто дней кровавых расправ

В конце 289 года н. э. Цзинь У-ди серьезно захворал и слег в горячке. Все в императорском дворе, от военных до гражданских чиновников, пришли в смятение. Император лежит при смерти, надежды на наследника нет. Все это вызывало серьезное беспокойство за государственные дела. Все ожидали, когда Цзинь У-ди огласит императорское завещание, кого же назначит управлять государством. Ян Цзюнь не упускал шанса ухаживать за императором и постоянно суетился вокруг него. Сановники пытались посетить императора, но он никого не пускал. Даже свита Цзинь У-ди была полностью заменена на доверенных людей.

В один из дней Цзинь У-ди очнулся и увидел незнакомые лица среди ухаживающих, это сильно обеспокоило его. Он знал, что Ян Цзюнь желал узурпировать власть, но все же он был родственником по линии жены, поэтому император не мог считать его таким же надежным человеком, как своих кровных родственников. Тогда император сразу приказал оповестить всех о назначении равноправными регентами своего дядю Сыма Ляна – князя Жунаня, и Ян Цзюня. И повелел князю Жунаня немедленно навестить его во дворце. Вскоре он опять впал в беспамятство. Узнав об этом, Ян Цзюнь решил скрыть указ, повелев главному секретарю канцелярии Хуа И не передавать его дальше. Но Хуа И не пови-

новался. В действительности, князь Жунаня уже был в Лояне и попасть к императору ему было не сложно. Ян Цзюнь размышлял: «Князь Жунаня стар и опытен, если позволить ему заниматься государственными делами, разве сможем мы ужиться?» К счастью, императрица Ян думала так же.

Спустя много времени Цзинь У-ди опять очнулся. Открыв глаза, он стал смотреть по сторонам и спрашивать всех подряд: «Князь Жунаня пришел?». Императрица тихим голосом ответила: «Нет, не пришел. Может назначить помощником дедушку наследника по материнской линии?!». Цзинь У-ди не расслышал и в беспамятстве закивал головой. Императрица, не мешкая, приказала подготовить указ, назначающий Ян Цзюня наставником наследника, командующим войском и управляющим всеми делами императорского двора. Когда указ был написан, она дала прочесть его Цзинь У-ди, но к этому моменту он уже не мог сказать ни слова. Не прошло и нескольких дней, как он испустил дух.

Наследник престола Сыма Чжун вззошел на престол под именем Цзинь Хуэй-ди. Императрица Ян стала матерью императора, наложница Цзя стала императрицей. Наставник наследника Ян Цзюнь, разумеется, получил огромную власть при дворе, любое дело решалось с учетом его воли. Даже императорские указы составлялись по воле Ян Цзюня, после чего он мимоходом сообщал о них императору. Недалекий император вместо ответа кивал головой по любому поводу, что очень экономило силы Ян Цзюню. Ян Цзюнь осознал свою

огромную власть, но авторитета ему явно не хватало.

Тогда он решил повысить всех чиновников государства на один ранг, а чиновников, участвовавших в похоронах императора – на два. Многие сановники получили титул князей. Ян Цзюнь полагал, что после такого чиновники будут благосклонно относиться к нему. Но вот чего он не смог предположить, так это того, что многие чиновники станут возражать. Они резонно заявляли: «Со времен трех властителей и пяти императоров никогда правители не раздавали титулы и звания так просто. Даже во времена победы над У и основания государства такого не было. Ежели так пойдет, и каждый новый император будет повышать ранги, то через несколько поколений не станет ли каждый министром или князем?». Ян Цзюнь не уделял этому особого внимания, его больше беспокоили члены императорской семьи, с которыми он вел ожесточенную борьбу. Узнав, что какие-то люди подбивают князя Жунаня – Сыма Ляна – на вооруженную борьбу, он сразу же отправил людей арестовать последнего, но оказалось, что тот уже покинул Лоян и возвратился в Сюйчан. После этого Ян Цзюнь успокоился. Но такие действия сильно разгневали членов семьи Сыма, в особенности негодовали удельные князья.

Ян Цзюня очень беспокоила императрица Цзя, дочь Цзя Чуна, участвовавшего в создании империи и приказавшего своим людям убить императора Вэй Цаомао. Императрица была вся в папу, и, в придачу, беспощадная и очень за-

вистливая. Она не могла родить наследника и очень боялась, что смогут наложницы, поэтому всегда была начеку. Однажды одна из наложниц забеременела, поговаривали, что будет мальчик. Преисполненная ненависти, императрица схватила алебарду и ударила беременную наложницу в живот. В результате та наложница потеряла ребенка. Узнав, Цзинь У-ди, негодуя, решил избавиться от нее, и сослал в Цзиньюнчэн, небольшую крепость на северо-западе Лояна, построенную специально для содержания неугодной императорской родни. Это удовлетворило императрицу Ян. Теперь, захватив власть, Ян Цзюнь очень опасался такой конкурентки, поэтому направил своих людей охранять ее, сделав все возможное, чтобы она ничего не знала.

Императрица Цзя была в бешенстве от своего бессилья. Она планировала сама отнять власть у полоумного императора, и даже не думала, что императрица Ян и Ян Цзюнь обведут ее вокруг пальца, но ничего поделать не могла. Императрица Ян просила простить свою предшественницу, но иногда и попрекала ее. Императрица Цзя все хорошо помнила. Если говорить о старшинстве, то императрица Ян была выше по статусу, хотя по возрасту была младше на два года. Отсюда возникал резонный вопрос: почему Ян младше, а положение выше? Чем больше императрица Цзя размышляла, тем более укреплялась в правильности своих размышлений. Через несколько месяцев, узнав о недовольстве чиновников беспричинными награждениями, произведенными Ян Цзю-

нем, она решила, что пора действовать. Она нашла сановников, недовольных действиями Ян Цзюня, и тайно начала переговоры.

Эти сановники говорили: «Прежде всего, нужно избавиться от Ян Цзюня, но нас мало и сами мы не справимся. Лучше всего нам использовать ресурсы удельных князей, у них есть войска. Ян Цзюнь своими действиями оскорбил их, они обязательно согласятся нам помочь». Императрица Цзя от радости даже захлопала в ладоши и сказала: «Какая хорошая идея, сперва я пошлю человека к князю Жунаня и князю царства Чу».

Посланника звали Ли Чжао. Встретившись с князем Жунаня, он рассказал ему о замысле, но правитель Жунаня не осмелился отправить войска. Ли Чжао понял, что у правителя Жунаня не хватит смелости, поэтому оставил попытки уговоров, после чего отправился к правителю царства Чу – Сыма Вэю. Сыма Вэй был сводным братом Цзинь Хуэй-ди, ему было немногим больше двадцати, одним словом, «горячая голова». Услышав о вводе войск в столицу для свержения Ян Цзюня, он сказал: «Отличный план, я обо всем позабочусь!». Он связался с князем Хуайнаня – Сыма Юнем, находящимся в Янчжоу (Сыма Юнь также был сводным братом Цзинь Хуэй-ди). После этого написал просьбу о посещении столицы. Ян Цзюнь, не понимая истинной причины, охотно дал свое согласие.

Весной 291 г. н. э. войска правителя Чу достигли Лояня. Императрица Цзя заблаговременно подготовила императорский указ. Указ гласил, что Ян Цзюнь заговорщик и узурпатор, и правителю царства Чу приказано было избавиться от него. Правитель Чу сразу же отправил своих людей в резиденцию Ян Цзюня. Ян Цзюнь ни о чем не подозревал, но, узнав, сильно испугался и созвал сановников. Счетовод Чжу Чжэнь обеспокоенно вскричал: «Что тут обсуждать, это явно происки императрицы Цзя! Она похитила императора. Подожжем драконьи ворота императорского дворца, захватим наследника и дадим бой!». Ян Цзюнь колеблющимся голосом ответил: «На эти ворота потрачено так много денег, жалко их сжигать!». Сановники, увидев его нерешительность, поняли, что он ничего не сможет сделать, и под разными предложениями покинули его.

Императрица Ян, узнав о случившемся, тоже забеспокоилась, приказала быстро принести несколько кусков хорошего желтого шелка, на шелке она написала: «Спаситель наставника наследника будет щедро вознагражден». Послания были привязаны к стрелам и выпущены из лука за территорию дворца. Кто-то подобрал послание и передал императрице Цзя. Она тотчас отправила людей, сказав: «Всех, кто будет подчиняться императрице Ян, убить». С этого момента отношения между двумя императрицами были разорваны. К этому времени люди правителя царства Чу окружили резиденцию Ян Цзюня и начали штурм со всех сторон. Ян Цзю-

ню ничего не оставалось, как спастись бегством, но вскоре нападающие ворвались в резиденцию, убили всех, кого нашли внутри, разграбили имущество, но не нашли Ян Цзюня. Один отряд ворвался в конюшню и, обнаружив спрятавшегося человека под кормушкой для лошадей, изрубил его на куски. Издав истошный вопль, человек безжизненно замолк. Когда солдаты выволокли тело, оказалось, что это был Ян Цзюнь.

Императрица Цзя, узнав об убийстве Ян Цзюня, начала свирепствовать. Первым делом она решила лишить жизни императрицу Ян. Но сановники были против, по их мнению, императрица не заслуживала смерти. Они сочли заслуженным сделать ее простолюдинкой и сослать в Цзиньюнчэн. Ян Чжи, узнав о своем наказании, стала безутешно рыдать, и, взяв с собой матушку Пан Ши, подготовилась к ссылке в Цзиньюнчэн.

Неожиданно на их пути появились солдаты царства Чу, и их предводитель, указывая на Пан Ши, сказал: «Императрица Цзя сказала, что эта женщина – жена Ян Цзюня, она должна быть казнена. Ты больше не императрица и не можешь вступить за нее!». Ян Чжи, испугавшись, обняла матушку. Пан Ши от ужаса потеряла сознание. Ян Чжи упала на колени, повернулась в сторону дворца и начала бить поклоны, причитая: «Императрица Цзя! Моего смирения тебе недостаточно? Пощади жизнь моей матушки!». Солдатам было тяжело слышать такое, они понурили головы, вздыхая,

но послушаться приказа было нельзя. Пан Ши была убита.

Когда расправа на Ян Цзюнем была закончена, сановники предложили: «Поскольку умерший император желал назначить князя Жунаня помощником императора, следует пригласить его сюда. Вторым помощником назначить старого сановника Вэй Гуаня, вместе они смогут навести порядок в государстве». Императрице Цзя пришлось согласиться. Князь Жунаня обрадовался и незамедлительно отправился в Лоян, где занял пост первого министра. И хотя он показал себя не очень смелым человеком, но на высоком посту принимал очень «смелые» решения. По примеру Ян Цзюня он решил повысить в должности 1081 военного до титула князя, некоторые из них получили повышение сразу на три ранга. В решении государственных вопросов правитель Жунаня недалеко ушел от Ян Цзюня, решая все вопросы самовольно. Его действия разочаровали сановников. Некогда Фу Сянь уже писал о злоупотреблениях, но пришлось писать снова: «В этот раз многие незаслуженно получили повышение. Если так будет продолжаться, многие будут желать новых беспорядков в надежде на получение повышений и наград. Люди надеялись, что Вы сможете исправить совершенное в минувшие дни. И даже подумать не могли, что ситуация только усугубится». Правитель Жунаня, прочитав письмо, не придал ему большого значения. Он считал себя предшественником императора, а императрицу Цзя презирал.

Правитель Жунаня возвысил многих близких, но в отно-

шении правителя Чу – Сыма Вэя – он был очень скуп. Правитель Чу рассчитывал остаться при дворе за недавние заслуги. Но правитель Жунаня, недовольный его скверным нравом, пожаловал ему несколько номинальных титулов и отправил восвояси. Это стало последней каплей для князя Чу: он не только не покинул дворца, но и начал обдумывать еще одно «важное дело». Он созвал приближенных на совет, чтобы обсудить, как лучше захватить власть и потом удержать ее.

Его люди предложили тайно связаться с Ли Чжао – доверенным человеком императрицы Цзя. Он хорошо проявил себя при устранении Ян Цзюня, и за заслуги был назначен командиром арбалетчиков, в его подчинении было более двух тысяч отборных воинов. В результате они договорились, и Ли Чжао отправился к императрице Цзя.

Императрица Цзя, услышав от Ли Чжао, что на уме у правителя Чу, следом вспомнила, как Вэй Гуань, притворившись пьяным, выступал против того, чтобы ее наследник занял императорский трон, как чуть не потеряла место повластной императрицы, и ей очень хотелось отомстить. Стиснув зубы, она сурово процедила: «Хорошо, пусть правитель Чу поступает как хочет!». От имени императора она подготовила указ, повелевающий правителю Чу расправиться с правителем Жунаня и Вэй Гуанем, обвиняемых в тайном заговоре против императора. Правитель Чу, получив указ, немедленно приказал людям Ли Чжао окружить резиденцию князя Жунаня. Ничего не понявший князь Жунаня

был схвачен ворвавшимися солдатами. Стоял летний зной, а князь Жунаня, как назло, был очень толстым, и на жаре, тяжело дыша, обливался потом. Из-за того, что он был двоюродным дедом императора, солдаты не осмелились убить его, и, посадив его в повозку с навесом, обмахивали его веерами. Не дождавшись доклада об убийстве правителя Жунаня, князь Чу приказал наградить человека, убившего его, тысячей отрезов ткани. Это меняло дело, и солдаты с радостью выполнили приказ. С правителем Жунаня было покончено. Отряд, отправленный за Вэй Гуанем, убил его и всю его семью, не оставив никого в живых.

Неожиданные убийства правителя Жунаня и Вэй Гуаня напугали весь город, гражданские и военные чиновники начали роптать. Все были недовольны князем Жунаня, но никто и не думал, что он заслуживает убийства. После такого люди начали говорить, что с ним обошлись несправедливо. Что касается Вэй Гуаня, то под его контролем жизнь в государстве наладилась, и к тому же он был одним из лучших каллиграфов своего времени, его то уж точно убивать было не за что. Люди очень скорбели о его смерти. В результате все гражданские и военные чиновники императорского двора возненавидели правителя Чу, многие писали записки с просьбой наказать злодея. Императрица Цзя, осознав сотворенное ей злодейство, не на шутку испугалась и решила свалить всю вину на правителя Чу. Воспитатель наследника престола Чжан Хуа обвинил правителя Чу в жутком убий-

стве правителя Жунаня и Вэй Гуаня, добавив, что «если бы замысел правителя Чупо захвату власти осуществился, то не было бы спокойной жизни для императора. За свои злодеяния он должен быть казнен, иначе не сдержать гнев народа».

Правитель Чу – Сыма Вэй – достав императорский указ, кричал: «На меня навели напраслину!»

Императрица Цзя согласилась с мнением Чжан Хуа и приказала ему довести дело до конца.

Чжан Хуа приказал начальнику дворцовой стражи поднять знамя доброты и гуманности, и отправиться ко дворцу правителя Чу. Знамя доброты и гуманности символизировало авторитет императора, на нем был изображен белый тигр – мифическое существо, по преданию доброе и благородное, которое никогда не затаптывает всходы и не ест плоть живых существ. Это знамя призывало к капитуляции и примирению. Увидев его, люди должны были опуститься на колени и подчиниться приказам. Начальник дворцовой стражи с поднятым знаменем проследовал во дворец правителя Чу, и все во дворце опустились на колени. Начальник дворцовой стражи громко произнес: «За подделку высочайшего указа императора и самовольное убийство двоюродного деда императора, правитель Чу приговаривается к смерти, каждый, кто будет помогать ему, совершит жуткое преступление!». Услышав это, стража князя Чу в ужасе разбежалась, а его самого связали.

Вскоре по приказу Цзинь Хуэй-ди правителя Чу казнили. Сыма Вэй, достав указ, полученный от людей императрицы Цзя, кричал: «На меня навели напраслину, я не виновен!». Но императрица Цзя все отрицала, и не нашлось ни

одного человека, посмеявшегося поверить Сыма Вэю. Молодому Сыма Вэю отрубили голову. Он и все его приближенные были уничтожены, сотни людей одного за другим на протяжении нескольких дней отводили на место казни. Поговаривали, что императрица Цзя хотела реабилитировать пострадавших за правителя Жунаня и Вэй Гуаня, но они уже были мертвы.

С убийства Ян Цзюня до расправы над правителем Жунаня Сыма Ляном и Вэй Гуанем, а потом и казни правителя Чу Сыма Вэя, прошло всего сто дней. Много людей погибло. В каждом уголке Лояна чувствовался запах крови и смерти. Все от сановников до простого люда были в ужасе от произошедшего. Кровожадные настроения с трудом утихли. Кто же в такой ситуации был достоин заняться делами государства? Сановники, посоветовавшись, решили, что в это раз не стоит императорской родне лезть в дела государства, уж лучше назначить толкового человека вроде Чжана Хуа, позволив ему стать помощником императора.

Чжоу Чу спешит на помощь

Когда императрица Цзя чужими руками за раз убрала Ян Цзюня, правителя Жунаня Сыма Ляна, Вэй Гуаня и правителя княжества Чу Сыма Вэя, она стала контролировать верховную власть при дворе. В душе она радовалась, но делала вид, что ей очень тяжело. Она даже была согласна, чтобы Чжан Хуа помогал ей в управлении. Императрица Цзя все это время постоянно думала о другой женщине, о Ян Чжи: нельзя было оставлять ее в живых, поэтому императрица тайком отправила в Цзиньчэн с наказом разогнать прислугу. Когда некому стало прислуживать Ян Чжи, за несколько дней она умерла от голода. Чиновники были заняты тем, что помогали Чжан Хуа наводить порядок при дворе, никто и не заметил смерти Ян Чжи.

Говоря о Чжан Хуа, надо начинать с его детства. Он был уроженцем города Фанчэн из округа Фаньян (Фанчэн находится в провинции Хэбэй, уезд Гуань) и происходил из бедной семьи. С малых лет пас скот. Позже его отец стал правителем области Юйян царства Вэй, в семье появились деньги, и Чжан Хуа пошел учиться. Через много лет он стал образованным человеком и написал сочинение под названием «Поэма о крапивнике». В нем говорится о птице крапивник, которая невелика ростом, с невзрачным окрасом перьев, невкусным мясом, поэтому нелюбима людьми. Но эта

птица никогда не вредит другим животным и не опасается за собственную жизнь, каждый ее день проходит непринужденно. С другими птицами все по-другому: попугай умеет говорить. Посаженный в клетку, он по требованию человека издает звуки. Орел может ловить кроликов. Привязанный веревкой, он охотится за человека. Они живут не так, как им хочется. Образ жизни крапивника очень интересен, те, кто больше него и те, кто меньше него – все ему проигрывают. То есть в сравнении с хорошим – хуже, с плохим – лучше («ни пава, ни ворона»).

На самом деле в этом сочинении излагался собственный взгляд Чжан Хуа на мир. У многих людей после прочтения открывались глаза. «Поэма о крапивнике» с тех пор стала очень популярной. Чжан Хуа также любил размышлять о различных явлениях природы. Он мог объяснить то, чего другие не знали. Он анализировал и рассуждал о чудесах, которых другие не понимали. Так, слава о нем распространилась, и Цзинь У-ди сделал его главным секретарем государственной канцелярии при дворе, писавшим манифесты специально для императора. Однажды Цзинь У-ди спросил у Чжан Хуа: «Знаешь ли ты дворцовые системы династии Хань? Расскажи мне». Чжан Хуа в подробностях объяснил различные дворцовые системы династии Хань и, увлекшись, даже нарисовал эскиз дворцовых ворот, который представил императору. Цзинь У-ди и его окружение были буквально очарованы, то и дело задавали вопросы. Чжан Хуа за словом

в карман не лез, все были так воодушевлены, что забыли про сон. Цзинь У-ди, показывая на Чжан Хуа, говорил: «Удивительный человек!».

Но Чжан Хуа был не согласен с назначением глуповатого наследника, позже был вытеснен Сюнь Сюем и Фэн Данем и отправлен в Ючжоу в должности военного губернатора. По прошествии нескольких лет Цзинь У-ди получил информацию о выдающихся достижениях Чжан Хуа в Ючжоу и снова вернул его в Лоян, но уже не на столь ответственную должность. Чжан Хуа, пользуясь появившимся свободным временем, записал все известные ему удивительные истории, непостижимые предания и составил серию книг, которые назвал «Записки о познании вещей». Всего 400 свитков, которые в последствии сократил до 10 фолиантов. В «Записках о познании вещей» собраны ценные знания. Это очень известное творение времен династии Цзинь.

С того времени, Чжан Хуа, благодаря выдающейся эрудиции, повысил свой статус. В этот раз он разработал стратегию подавления правителя царства Чу, в результате чего его авторитет стал еще выше, чем прежде, и чиновники выдвинули его управлять политикой двора. Чжан Хуа считал императора дураком без собственного мнения, императрицу – бессердечной женщиной. Но он знал, что удельные князья со всех земель пристально следят за действиями в столице. Любая ошибка или неосторожное обращение могли навлечь смертельную опасность. Поэтому он вел дела предельно вни-

мательно, если ему попадался трудный вопрос, он постоянно прикидывал так и этак, пока не находил надежный способ. Императрице Цзя он также сообщал обо всех больших и малых делах. К счастью, он происходил из небогатой семьи, не имел такого большого влияния, поэтому вышестоящие были спокойны. Чжан Хуа вел дела много лет, и в те времена при дворе не возникало никаких беспорядков.

После стабилизации ситуации в государстве Чжан Хуа захотел проявить себя в области культуры. Одним из важнейших трудов было составление исторических записок «Троецарствия». Согласно прежним порядкам, историю предыдущей династии составляла династия последующая. Теперь, когда эпоха «Троецарствия» миновала, история Троецарствия должна была быть составлена династией Цзинь. Как раз, когда Чжан Хуа размышлял об этом, кто-то сообщил ему, что человек по имени Чэнь Шоу из царства Шу занят написанием истории Троецарствия. Чжан Хуа обрадовался и поинтересовался состоянием дел Чэнь Шоу. Оказалось, что Чэнь Шоу был чиновником царства Шу-Хань, но из-за того, что ему не нравился авторитарный царедворец Хуан Хао, перед которым он не согласился лебезить, он был разжалован в простолюдины. Чэнь Шоу был хорошо знаком с первым министром Шу-Хань Чжугэ Ляном, военными генералами и гражданскими чиновниками, он собрал много исторических материалов и собирался написать исторические записки. Чжан Хуа почувствовал, что Чэнь Шоу обладает та-

лантом, поэтому рекомендовал его императорскому двору как составителя исторических трудов, и попросил написать историю Троецарствия. С тех пор у Чэнь Шоу появился доступ к множеству официальных исторических материалов, особенно к тем, которые были связаны с царствами Вэй и У. Несколько лет спустя он действительно написал «Хроники Троецарствия». В них история описывается сравнительно кратко, но в четкой последовательности и живом стиле. Этот труд включен в список четырех основных исторических книг наряду с «Исторические записки», «Ханьшу» (историческая хроника династии Хань с 260 г. до н. э. по 20 г. н. э.) и «История династии Поздняя Хань». К сожалению, вскоре после написания книги Чэнь Шоу умер, а Чжан Хуа распорядился отправить людей к нему домой для переписи книги и тщательно хранил ее. Таким образом это произведение дошло до наших дней.

Чжан Хуа хотел сделать что-то более значимое, но с запада пришли вести о восстании народных масс, поэтому ему пришлось оставить все дела и заниматься этим вопросом. На северо-западе в Лянчжоу и Юнчжоу проживали представители разных этнических групп: сюнну, ди и цян. Первоначально императорский двор назначил дядю императора Цзиньхуэя, Сыма Луня, князя Чжао генералом, охраняющим Запад, и отвечающим за эту территорию. Рядом с ним был некто по имени Сунь Сю, и поскольку умел хорошо писать, то и занимал ответственный пост. Он предложил глу-

пую идею отбирать деньги и продовольствие у народа в пользу князя Чжао. Были убиты многие вожди племен, что и довело народ до отчаяния. В 296 году нашей эры армия сюнну подняла мятеж, и князь Чжао не устоял, только и осталось ему, что просить помощи у императорского двора. Видя беспомощность князя Чжао, императорский двор решил назначить князя Лян, Сыма Жуна, генералом, охраняющим Запад, и вернуть князя Чжао обратно. Перед тем, как отправиться в путь, князь Лян спросил Чжан Хуа: «Есть ли у тебя какие-то идеи?». Чжан Хуа ответил: «Князь Чжао поверил мошеннику Сунь Сю, что и вызвало неприятности. Вашему Высочеству по прибытию на место нужно сперва наказать Сунь Сю утолить народное возмущение, после этого проблему будет легче решить». Князь Лян согласился.

После возвращения в Лоян князь Чжао, совершенно не стыдясь, ссылаясь на старшинство, запросил должность министра канцелярии. Должность министра канцелярии равнозначна первому министру, это был очень важный пост. Чжан Хуа и чиновник Пэй Вэй считали, что тот не годится для этой должности. Не получив должность, князь Чжао возненавидел их двоих. Кроме того, когда князь Лян прибыл на запад, у Сунь Сю нашлись заступники. В итоге он не только не наказал Сунь Сю, но и превзошел его, прибегнув к жестоким репрессиям и убив большое количество людей. Таким образом, восстание разразилось пуше прежнего. Народ провозгласил императором Ци Ваньянь из племени ди и восстал

против императорского двора. После начала военных действий князь Лян потерпел крупное поражение.

Новость эта дошла до Лояня, чиновники забеспокоились. Были такие, кто говорил: «Военачальник, утверждающий авторитет² Чжоу Чу, умный и смелый, давайте отправим его на помощь князю Лян!». Как только прозвучали эти слова, нашлись те, кто их одобрил. Главный секретарь государственной канцелярии Чэнь Чжун, качая головой, сказал: «Чжоу Чу, несомненно, соответствует данной задаче. Но боюсь, что в этот раз он может и не вернуться, так что лучше отправить кого-нибудь другого». Но его никто не послушал, и скоро был издан приказ о направлении Чжоу Чу выполнять задание.

Чжоу Чу – известный персонаж времен династии Цзинь. Он был родом из города Усин уезда Янсянь (совр. уезд Исин в провинции Цзянсу). В глубоком детстве потерял отца. Воспитывать его было некому, поэтому он вырос очень вспыльчивым. Позже он научился боевым искусствам. Физически сильный, он частенько вступал в драку и обижал людей. Земляки его ненавидели и боялись, за спиной прозвали его вместе с нанышаньским тигром и речным драконом «тройной погибелью». Слухи эти дошли до ушей Чжоу Чу и чрезвычайно его расстроили. «Я благородный герой, изначально ради односельчан готовый делать добро, как вдруг прослыл чудовищем, почему?» – думал он. «Раз есть три зла, то я дол-

² Высший военный титул 1 ранга 1-й степени.

жен их устранить». Взял лук со стрелами, и отправился на гору Наньшань убить тигра-людоеда. Схватил меч и прыгнул в реку ловить дракона, и убил его. Самого его унесло течением довольно далеко. Соседи решили, что он погиб, и отмечали избавление от трех зол. Через несколько дней Чжоу Чу вернулся. Услыхав, как люди празднуют его гибель, он не смог и дальше там оставаться. Он ушел из дома и отправился в область У (пров. Цзянсу, город Сучжоу), нашел местного ученого Лу Юня и, стесняясь, сказал: «Я столько лет прожил зря, хочу все начать сначала, не знаю, не поздно ли?». Лу Юнь ему искренне ответил: «Есть поговорка: меняйся с утра до вечера». Ты еще так молод, тебе предстоит долгий путь, как может быть поздно?».

После этого Чжоу Чу начал усердно учиться и стал воспитывать в себе добропорядочность. Через несколько лет он стал совершенно другим человеком, способным как к гражданской службе, так и к военному делу, вежливым в обращении с людьми, честным и справедливым до мозга костей, был возведен в ранг чиновника княжества У. После падения княжества У он занял должность правителя областей Синьпин (пров. Шэньси, уезд Бинь) и Гуанхань (Суйнин, пров. Сычуань) при династии Цзинь. В Гуанхань ему досталось много незавершенных дел, некоторые тянулись тридцать лет, но так и не было ясности, где правда, а где ложь. После вступления в должность Чжоу Чу тщательно расследовал их и быстро разобрался с ними. Таким образом, при дворе поняли,

на что он способен. Вскоре Чжоу Чу ушел в отставку, чтобы заботиться о своей престарелой матушке, но не прошло и нескольких дней, как из дворца пришел приказ с назначением его в земли царства Чу. Только он собрался в путь, как из дворца пришло новое распоряжение, в котором ему предписывалось прибыть в Лоян на чиновничью службу. Друзья уверяли его, что отправиться в столицу куда как лучше поездки в царство Чу: «Наконец-то ты добился признания». Чжоу Чу, смеясь, отвечал: «С давних пор мудрые люди отказывались от большего, а не от меньшего, я, пожалуй, сначала отправлюсь в царство Чу».

В царстве Чу за много лет беспорядков погибло много людей, в полях повсюду лежали кости умерших. Людям было нечего есть и не во что одеться, беспорядки стали образом жизни. Прибыв в царство Чу, Чжоу Чу поведал народу о принципах взаимопомощи, призвал людей к мирному решению проблем, а также издал указ о погребении умерших, начались похороны. Затем он наладил сельское хозяйство, чтобы крестьяне могли спокойно работать. Когда все было сделано должным образом, в царстве Чу стало гораздо спокойнее. Только после этого Чжоу Чу покинул царство Чу и отправился в Лоян.

Во времена, когда Чжоу Чу был на должности личного секретаря императора в Лояне (отвечал за надзор за чиновниками), князь царства Лян Сыма Жун нарушил закон. Многие коллеги считали, что не стоит выносить сор из избы дабы

не создавать хлопот. Но Чжоу Чу не испугался и правдиво доложил о преступлении императору. Император не наказал князя Лян, но тот с тех пор затаил обиду и постоянно искал повод, чтобы свести счеты с Чжоу Чу. Некоторые чиновники также считали, что Чжоу был слишком прямолинеен в своих действиях, и боялись его. И в этот раз, когда князь Лян потерпел поражение, и сановники предложили ему на помощь отправить Чжоу Чу, главный секретарь государственной канцелярии Чэнь Чжун проявил обеспокоенность. Ведь, очевидно, отправившись туда, Чжоу Чу будет вынужден подчиняться князю Лян, разве могло из этого выйти что-то хорошее?

Чжоу Чу отчетливо понимал, что этот поход был не к добру. Некоторые советовали ему: «Почему бы не отказаться под предлогом преклонного возраста твоей матушки?». Чжоу Чу, качая головой, отвечал: «С давних времен трудно было совмещать преданность государству и сыновнюю почитательность, раз уж я расстался с матушкой ради государственной службы, то уж нет возможности все учесть. Мне уже скоро шестьдесят, даже если в этот раз я умру, так пусть это будет не напрасно!».

Чжоу Чу отвечал: «С давних времен трудно было совмещать преданность государству и сыновнюю почтительность. Даже если в этот раз я умру, так пусть это будет не напрасно!»

Ци Ваньнянь, прослышав, что должен прибыть Чжоу Чу, сказал подчиненным: «Я хорошо знаю этого Чжоу Чу, он был чиновником в Синьпине, мастер и кисти, и меча. Если его в этот раз назначили главнокомандующим, то мы его не одолеем. Но если им кто-то будет управлять, то мы захватим его в плен!». Как и следовало ожидать, Чжоу Чу по прибытию доложил князю Лян, но тот даже не обратил на прибывшего внимания, не дав ему даже поесть, сразу велел немедленно выступать. Войско Ци Ваньнянь насчитывало семьдесят тысяч, а Чжоу Чу привел с собой лишь пять тысяч человек. Князь Лян никакой поддержки не дал. Результат и так понятен: уставшие, голодные, как сражаться? Войско Чжоу Чу было окружено, Чжоу Чу не хотел бежать, но и в плен попасть тоже не хотел, и погиб в сражении на поле боя. Как и подобает герою.

После гибели Чжоу Чу император послал большую армию в поддержку, и только тогда Ци Ваньнянь был усмирен. Чжан Хуа и чиновники вздохнули с облегчением. Но никто не мог и предположить, что вскоре по дворцу опять распространяться странные новости: поговаривали о беременности императрицы Цзя. Откуда же было такому случиться?

Кара, ниспосланная удельным князьям

Еще в те годы, когда Цзинь Хуэй-ди был наследным принцем, от него забеременела наложница Се Цзю. Опасаясь вреда со стороны принцессы Цзя, она покинула Восточный дворец³. Вскоре во внутреннем дворе гарема она родила сына – Сыма Юя. Благодаря покровительству деда – Цзинь У-ди – мальчик вырос в гареме. Однажды, спустя несколько лет, наследный принц прибыл в гарем и увидел, что Цзинь У-ди, забавляясь, играет с несколькими детьми и держит их за руки. Цзинь У-Ди, указывая на мальчика трех-четырёх лет, сказал Цзинь Хуэй-Ди: «Ты, наверное, не знаешь, что это твой сын!». Лишь тогда наследник престола узнал, что у него есть родной сын. Сыма Юй вырос под крылом Цзинь У-Ди. В отличие от умственно отсталого отца, он отличался чрезвычайной сообразительностью. Цзинь У-Ди очень любил своего старшего внука и говорил, что он похож на деда – Сыма И. Он надеялся, что внук в будущем станет императором. Поэтому он повелел сделать Сыма Юя наследным принцем после вступления на престол Цзинь Хуэй-Ди. На сердце у императрицы Цзя от этого было очень тяжело, однако, сама она не родила сына, а также знала, что император души не чает в

³ Дворец наследника престола.

мальчике. Из-за этого она не посмела воспротивиться. В то время Сыма Юю было только 12-13 лет. Он был почитателен с императрицей, и они нормально ладили.

Прошло несколько лет, и Сыма Юй вырос. Под влиянием роскоши он стал все больше стремиться к удовольствиям жизни, и день напролет ел, пил и развлекался вместе с дворцовыми прислужницами и царедворцами. Особенно ему нравилось заниматься торговлей и коллекционировать ценности. Пользуясь статусом наследника престола, он еще и приобрел немало земельных угодий. Однако, когда пришло время учиться, у него не было никакого стремления к учебе, и он не мог продолжать занятия. Ду Си, чиновник, отвечавший за образование наследного принца, очень переживал по этому поводу и много раз пытался увещевать его. Сыма Юй досадовал на его длинные речи, напихал иголок в его седельную подушку и, наблюдая, как они вонзались в ноги учителя, еще и радовался втихомолку. Что же в этом похожего на Сыма И? Всю жизнь Сыма Юй знал о распущенности во дворце, о коварстве императрицы Цзя и относился к ней с прохладцей.

Императрица Цзя видела, что для нее однозначно не будет ничего хорошего, если впоследствии Сыма Юй получит власть. Потеря Сыма Юйем сейчас своего значения и, как следствие, сильное недовольство придворных, стало бы хорошим шансом для императрицы. Таким образом, она собиралась устранить наследника престола. А чтобы сделать это,

нужен был новый наследник на замену. Императрица Цзя посоветовалась с доверенными лицами. Среди советчиков были ее младшая сестра Цзя У, муж младшей сестры Хань Шоу и сын сестры Цзя Ми. Были среди них и несколько царедворцев и придворных девиц. Прежнее имя Цзя Ми было Хань Ми. Так как у деда по матери Цзя Чуна не было сыновей, он повелел Хань Ми взять фамилию Цзя. Таким образом, он занял место внука в семье Цзя и наследовал титул. Эти люди собрались вместе, наперебой стали высказывать императрице Цзя свои мнения и разработали коварный план.

Не прошло и нескольких дней, как распространилась весть о беременности императрицы Цзя. Но во дворце и вне его не очень в это верили. Некоторые говорили, что своими глазами видели, как живот ее вырос и не похож на поддельный. С того дня императрица больше не показывалась. По прошествии нескольких месяцев действительно родился мальчик, и назвали его Вэй Цзу. На самом деле беременна бы Цзя У, а императрица Цзя оборачивала живот тканью и делала вид, что беременна, чтобы заполучить сына. Цзя У родила ребенка и сразу отправила его во дворец, как будто его родила императрица Цзя. Цзинь Хуэй-Ди находился в полном неведении. С этих пор жизнь наследника Сыма Юя стала горше.

В начале 300 г. н. э., однажды вечером императрица Цзя отправила к Сыма Юю человека передать, что императору

нездоровится, и он повелевает явиться на аудиенцию во дворец. Сыма Юй прибыл во дворец и не увидел Цзинь Хуэй-Ди. Дворцовая прислужница Чэнь У преподнесла ему пиалу с финиками и кувшин вина, сказав, будто это было угощение от императора. Сыма Юй сказал, что не может пить вино. Чэнь У недовольно ответила: «Вино пожаловал император, если не выпить, то это будет непочтение к родителям. Ты боишься, что отравлено?». Сыма Юй выпил половину и, почувствовав головокружение, сказал: «Я возьму с собой и потихоньку выпью!». Чэнь У заявила, что так не годится, и лучше ему допить. Вскоре он почувствовал себя нехорошо, а затем, в панике, упал ничком и заснул. В этот момент дворцовая служанка принесла два листа бумаги, подтолкнула их к Сыма Юю и сказала: «Император повелел тебе переписать эти бумаги». Договорив, она растерла тушь и разложила бумагу. Сыма Юй с трудом открыл глаза и начал писать, копируя иероглифы. Писал он как попало и растерял много текста. Когда он дописал, его отвезли в Восточный дворец.

Рано утром следующего дня глупый император созвал двор и, причитая, сказал: «Мятеж, мятеж! Наследник совершил величайшее преступление. Я собираюсь приговорить его к смерти!». На самом деле вечером ранее императрица Цзя передаля Цзинь Хуэй-Ди посмотреть те самые написанные вкривь и вкось бумаги. Цзинь Хуэй-Ди даже не досмотрел, а гнев уже застил его глаза. И он разом подписал императорский указ о казни наследника. Чиновники спросили,

что же написал наследник престола, и Цзинь Хуэй-Ди передал бумаги, чтобы все могли посмотреть. Они взглянули и увидели, что в бумагах сказано следующее: «Его величеству следует уйти самому, а ежели нет, то я это сделаю. Центральный дворец (имея в виду императрицу) также должен отступить сам, а ежели нет, то я своими руками все сделаю». Разве это не ясное заявление о том, что он намерен убить императора? Дочитав, придворные потеряли самообладание, все молчали. Спустя достаточно долгое время Чжан Хуа осторожно сказал: «Испокон веков низложение и убийство наследника престола могло вызвать большую смуту, тем более, что за ним обычно не числилось серьезных проступков. Вашему величеству лучше трижды подумать, прежде чем действовать». Пэй Гу сказал: «Почерк тут очень уж беспорядочный, и надо бы сверить его с почерком наследника». Поэтому один из присутствующих достал документ, подписанный лично наследником, для тщательной сверки. Все смотрели и качали головами, но никто не посмел сказать, что это подделка.

Императрица Цзя терпеливо ждала в задних комнатах. Она приказала написать докладную записку от имени принцессы Чан Гуан (сестра Цзинь У-Ди). Бумагу отправили в зал императору. Она гласила: «Такое происшествие нужно поскорее урегулировать, если чиновники препятствуют, то нужно действовать военной силой!». Когда придворные это слышали, то сразу поняли, что это слова императрицы, од-

нако, день на глазах клонился к закату, и лучше было не принимать решения. Императрице Цзя пришлось самой выйти вперед и сказать: «Ваше высочество, не убивайте наследника престола. Будет достаточно низложить его. Пусть отправляется жить в Цзинь Юн Чэн⁴». Цзинь Хуэй-Ди вновь покачал головой и вмиг отправил людей выдворить Сыма Юя из Восточного дворца, и препроводить его в Цзинь Юн Чэн.

Узнав о случившемся, многие поняли суть произошедшего. Несколько чиновников – Сыма Я, Сю Чао и Ши И – которые в прошлом состояли на службе в Восточном дворце, с осуждением сказали: «Нельзя по глупости отправлять наследника престола в это место, неудивительно, если эта интрига исходит от императрицы Цзя Наньфэн. Нам нужно придумать способ спасти наследника!». Но они были мелкими чиновниками, и собрались найти наделенного полномочиями человека, чтобы возглавить их группу. Подумали и вспомнили про князя Чжао – Сыма Луня. После возвращения в Лоян князь Чжао весьма быстро лестью завоевал расположение императрицы Цзя. Несмотря на то, что он не занимал какой-либо чиновничей должности, он, тем не менее, стал генералом колесничих и кавалеристов, что тоже было должностью немалой, а в руках у него была сосредоточена военная мощь. Сыма Я знал, в чем заключался план князя Чжао. Невзирая на опасность, он отправился к доверенному князя Чжао – Сунь Сюю – и сказал ему: «Императрица Цзя

⁴ Северо-западная часть Лояна.

уже лишилась симпатии многих, почему же князь Чжао все еще поддерживает с нею контакты? Стоит ей лишь пасть, и попадет он в беду. Лучше уж...». Стоило Сунь Сюю услышать это, он сразу смекнул и обещал отправиться к князю Чжао просить поднять войска.

На самом деле у Сунь Сюя была другая задумка. Увидев князя Чжао, он пересказал идею Сыма Я, а затем, нахмутив брови, сказал: «Если Вы сейчас поднимите войска и свергнете императора, то на престол вступит наследник вместо нынешнего глупого императора, и тогда могут стать известны наши связи с императрицей, и мы пострадаем». Князь Чжао озабоченно спросил: «Каково твое мнение?». Сунь Сю, моргая, сказал: «Я думаю, что императрица однозначно не позволит наследнику престола остаться в живых, подождем пока, а когда она его убьет, тогда двинем войска и разберемся в преступлении. И нет проблем». Князь Чжао услышал это и повеселел. Он сказал: «Ты у меня настоящий Чжугэ Лян⁵, сделаем, как ты сказал!». Сунь Сю сразу отправился к Цзя Ми и его людям. Но он не только не походатайствовал о помиловании для наследника, но и наоборот, убеждал скорее вмешаться и устранить его.

Прошло несколько дней, и императрица Цзя повелела перевезти Сыма Юя жить в старый дворец в Сюйчане. Затем она отправила царедворца по имени Сунь Люй за содержа-

⁵ *Метаф.* Герой классического романа «Троецарствие», полководец, государственный деятель царства Шу.

щими яд плодами кроконового дерева, чтобы отравить Сыма Юя. Сыма Юй опасался, что его могут отравить. Каждый раз во время приготовления пищи он находился рядом, наблюдая, и желал, чтобы еду опробовали перед тем, как он будет есть сам. Сунь Люй закрыл его в маленьком дворике и не давал ему пищи. Однако, некоторые сочувствовавшие Сыма Юю скрытно передавали ему еду поверх стены. Сунь Люй не мог ничего делать, поэтому прямо вошел к Сыма Юю и заставил его принять яд. Сыма Юй побежал в уборную, Сунь Люй побежал за ним и разбил ему голову каменной дубинкой. Сыма Юй издал истошный крик и упал на землю. Сунь Люй ударил еще несколько раз, и наследник испустил дух. В итоге, Сыма Юй был убит в возрасте всего лишь 23 лет.

Услышав о гибели наследника престола, князь Чжао сразу начал подготовку в Лояне. Спустя десять с небольшим дней, он связался с князем Лян Сыма Жуном и князем Ци Сыма Цзюном, заявив о намерении покарать императрицу Цзя. Императорская родня вместе с гражданскими и военными чиновниками всей душой ненавидели императрицу Цзя и поддержали восстание. В тот день князь Чжао вместе с людьми вошел в императорский дворец и притащил Цзинь Хуэй-Ди в присутственную залу. Он сказал императору: «Императрица Цзя убила наследного принца из Восточного дворца. Следовало ли его убивать?». Цзинь Хуэй-Ди долго разевал рот и говорил: «А-а-а...», затем покачал головой. Князь Чжао послал за Цзя Ми. Цзя Ми вошел и уви-

дел направляющих в его сторону мечи солдат. Он опустил голову и побежал, крича: «Императрица, быстрее спасайте меня!». Не успел он сделать и нескольких шагов, как солдаты убили его. Императрица Цзя услышала крики и поспешно выбежала. Столкнувшись с прибывшим схватить ее князем Ци, она спросила: «Что вы намерены делать?». Князь Ци ответил: «Получен приказ задержать императрицу». Императрица Цзя заявила: «Что за чепуху ты несешь! Соответствующий манифест должен был бы исходить от меня. Ты откуда прибыл?». Но князь Ци не намеревался разглагольствовать с ней. По взмаху его руки солдаты схватили ее и повели в присутственную залу. Императрица Цзя увидела, что Цзинь У-Ди остолбенело сидит там и, вывернув шею, закричала: «Государь, Вы не понимаете! Разве Вы могли бы быть императором без такой императрицы, как я?». Князь Чжао издал указ и тоже отправил ее в Цзинь Юн Чэн.

Императрица Цзя кричит, вывернув шею: «Разве ты смог бы быть императором без такой императрицы, как я?»

Спустя пять дней князь Чжао отправил людей, которые заставили ее выпить вино с подмешанным золотым порошком, что и определило ее судьбу. Цзя У, Хань Шоу и участвовавшие в убийстве наследника престола дворцовые прислужницы были забиты заживо.

Князь Чжао устранил группировку семьи Цзя, чем заработал одобрение. Высокопоставленные чиновники поддержали его и получили великую власть. Говорят, что сначала ему нужно было сделать стабильной ситуацию в стране, но методы у него были те же, что и у Ян Цзюня и Сыма Ляна – придя к власти он сразу разделил земельные владения между удельными князьями, повысив многих до чиновничьего уровня. Все чиновники тех времен носили на головных уборах большие соболиные хвосты, чтобы продемонстрировать свой статус. Однако феодальных чиновников стало столь много, что не хватало хвостов соболя, и начали их заменять собачьими (отсюда пошла поговорка «прицеплять к соболю собачий хвост» в значении «присоединять плохое к хорошему»). Князь Чжао также не гнушался возможности свести старые счета. С тех пор для Чжан Хуа, Пэй Гу и им подобных никакого житья не стало.

Князь Чжао припомнил, как в бытность его первым министром, Чжан Хуа и Пэй Гу выступали против его указов, и то,

что они не участвовали в бунте, и приговорил их к казни. Не стоит и говорить о том, что Чжан Хуа был ученым с известными достижениями. Отец Пэй Гу Пэй Сю был не только одним из чиновников, стоявших у основания государства, но и географом с редкими знаниями, который разработал теорию картографии, получившую широкую известность под названием «шесть принципов картографии», и распространенную по сей день. Сам Пэй Гу тоже был весьма образован, написал немало сочинений, выступал против свойственных тому времени пустословия в учебе и мотовства. То, что эти два талантливых человека были убиты, вызывает великую скорбь. Когда князь Чжао только пришел к власти, он подписывал указы именем Цзинь Хуэй-Ди. Сын Сыма Юя малолетний Сыма Цзан был назначен наследным внуком императора. Князь Чжао самостоятельно провозгласил себя канцлером, что напомнило людям пути Цао Пи и Сыма Яня, которые также, начиная с поста канцлера, позже взошли на императорский трон. С тех пор намерения князя Чжао стали всем очевидны. Не прошло и года, а он уже беспокоился о вступлении на трон. В начале 301 г. н. э. князь Ияна – Сыма Вэй – по его приказу отправился в императорский дворец и затребовал большую императорскую печать. Однако, Цзинь Хуэй-Ди понимал, что большая императорская печать – великая драгоценность, и крепко держал ее, не отпуская. Сыма Вэй вспылил и, шагнув вперед, отобрал ее силой из рук Цзинь Хуэй-Ди. Невыносимая боль пронзила

пальцы Цзинь Хуэй-Ди, а злость его была столь велика, что он начал стенать во весь голос. Более того, Сыма Вэй еще заставил его подписать высочайший манифест о передаче престола. Князь Чжао заполучил большую императорскую печать, выбрал дату и взошел на престол. Цзинь Хуэй-Ди тоже был сослан в Цзинь Юй Чэн.

После таких действий князя Чжао нагрянули непомерные бедствия. Все удельные князья происходили из рода Сыма и располагали собственными войсками, а значит, очень многие не подчинились князю Чжао. Первым выступил против него князь Ци – Сыма Цзюн. В ходе военного бунта князь Ци направил больше всего сил, однако, князь Чжао пожаловал ему всего лишь чин генерала партизанских войск. А в добавок еще и отправил его в Сюйчан, чтобы ограничить его участие в государственных делах. Теперь князь Чжао еще и захватил трон, так что же он не улестил своего подданного? Князь Ци отправил ему объявление войны, в котором говорилось: «Сыма Луня обольстила группировка Сунь Сю и было совершено преступление, за которое нет прощения ни на небе, ни на земле. Решил я поднять войска и начать карательный поход, а ежели посмеет кто не подчиниться, истреблю все три поколения: и отца его, и сына, и его самого!». И только он начал действовать, как многие земли откликнулись, и поднимали войска против князя Чжао. Но некоторые поддерживали князя Чжао и вступили в противоборство с князем Ци. С тех пор удельные князья Сыма разделились на несколько

группировок, у каждой из которых были собственные интересы. Князь Ци, князь Чэнду Сыма Ин, князь Хэцзяня Сыма Юн сообща повели войска на Лоян. Началось сражение, и с тех пор разразилась междоусобная война.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.